

Опубликовано:
Диаспора: Новые материалы. Вып. 6. М.; СПб., 2004. С. 620-696

«ТАМ ТАК ЛЕГКО ДЫШИТСЯ...»:
Из американского архива Георгия Вернадского
Публикация и примечания М.Ю.Сорокиной

В 1996 я случайно попала в Америку. Случайно – в том смысле, что по банальному сценарию в театральном институте поступает не тот, кто собирался, а его попутчик-доброхот. Грант Программы Фулбрайт на поездку в США должен был достаться совсем другому человеку, однако судьба в лице жюри экспертов распорядилась по-иному, и я получила возможность поработать в знаменитом Бахметевском архиве русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета США. Цель поездки формулировалась как изучение «европейских» материалов академика Владимира Ивановича Вернадского (1863–1945), сохранившихся в фонде его сына, историка Георгия Владимировича Вернадского, для дальнейшей подготовки к изданию дневников академика за 1922–1925 годы. «Цели» удалось достичь ровно наполовину, т. е. познакомиться с огромным фондом Георгия Вернадского¹; издавать дневники уже не пришлось – их на родине благополучно опубликовали без изучения каких-то там заокеанских архивов и тем более без меня.

С тех пор прошло уже почти восемь лет, а накопленный в ту поездку массив документов не иссякает, кажется, его можно «раззиповывать» до бесконечности². Действительно, архив Георгия Вернадского требует монографического издания; именно «архив» как самостоятельная и

¹ О судьбе и творчестве Г.В.Вернадского см.: *Вандалковская М.Г.* Историческая наука российской эмиграции: «Евразийский соблазн». М., 1998; *Козляков В.Н.* 1) «Это только персонификация не нашего понимания исторического процесса...»: Георгий Владимир Иванович Вернадский (1887–1973) и его «Очерки по русской историографии» // Георгий Вернадский. Русская историография. М., 1998. С.5-26; 2) Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // Там же. С.395-444; *Сорокина М.Ю.* Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С.330-347; «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Сорокиной // Источник. 1999. №1. С.45-56; *Болховитинов Н.Н.* 1) Георгий Владимирович Вернадский в Америке: Трудный путь к признанию. 1927–1946 // Историческая наука на рубеже веков. М.: Наука, 2001. С.209-227; 2) Жизнь и деятельность Г.В.Вернадского (1887–1973) и его архив // Slavic Research Center Occasional Papers. №82. Sapporo: Slavic Research Center Hokkaido University, 2002, и др.

самодостаточная целостность, люди, события и документы которой скреплены той же идеей – поиском интеллектуальной, идейной, профессиональной, конфессиональной, этнической и просто дружеской и душевной общности.

Шесть публикуемых текстов прошу сохранить; "текст" - не обязательно чисто "нарратив" – записки Н.В.Вернадской («Скорбные дни Рождества») и избранные места из переписки отца и сына Вернадских с Ф.И.Щербатским, Н.С.Трубецким, Р.О.Якобсоном, Н.К.Рерихом и М.А.Критским – это очередные материалы к виртуальной книге «Архив истории русской научной эмиграции», позволяющие всего лишь ввести в научный оборот новые или уточнить старые фактические данные. Возможно, такой подход покажется кому-то мелкотемьем, однако для истории русской научной эмиграции XX века, которая до сих пор остается скорее обозначенным, чем описанным и тем более осмысленным феноменом, он кажется вполне оправданным. Дисциплина остро нуждается в поступлении доброкачественного документального топлива³, приближающего к выяснению базовых для любого исследования вопросов.

Так например, и поныне остаются до конца непроясненными количественные параметры и, соответственно, масштабы, формы и соотношения естественной, вынужденной и насильственной «миграций» отечественных ученых в первые послереволюционные, предвоенные,

2 Приведу список моих публикаций по материалам этого фонда: «За СССР выявляется лик истрадавшей России»: Письма В.И.Вернадского детям // Природа. 2004. №1. С.64-80; «Подлинная русская жизнь создается на этом берегу»: Дмитрий Шаховской – Владимиру Вернадскому // Ноосфера: Бюллетень Неправительственного экологического фонда им. В.И.Вернадского. 2003. №16. С.25-28; Вернадский в Париже, или О чем академик говорил с Анри Бергсоном // В.И.Вернадский и современность: Материалы торжественного заседания, посвященного 140-летию со дня рождения академика В.И.Вернадского (1863–1945). М.: Изд. дом «Ноосфера», 2003. С.211-220; *Нина Вернадская*. Записки обывательницы // Диаспора: Новые материалы. Вып.3. Париж, СПб.: Atheneum-Феникс, 2002. С.629-640; «Разбросанные по всей Америке»; «Вряд ли придется возвращаться домой»: Из писем С.П.Тимошенко В.И.Вернадскому // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.109-112, 127-134 (то же: Природа. 2000. №4. С.55-57, 67-70); Георгий Вернадский в поисках «русской идеи» // Там же. С.330-347 (то же: Природа. 1999. №2. С.89-102); «Аймек Гуарузим» – Fondation Rozenthal // Евреи России – иммигранты Франции. М.; Париж; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2000. С.35-68; «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского // Источник. 1999. №1. С.45-56; Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. Вып.23. СПб.: Atheneum-Феникс, 1998. С.295-344; Соблазн тоталитаризмом // Столичные новости (Киев). 1998. 17–24 марта. С.14-15; Русская научная элита и советский тоталитаризм (очень субъективные заметки) // Личность и власть в истории России XIX–XX вв.: Материалы научной конференции. СПб.: Нестор, 1997. С.248-254.

3 К сожалению, последние по времени издания «Материалы к истории русского научного зарубежья» Ю.Н.Сухарева (В 2 кн. М.: Ред. альманаха «Российский архив», 2002) иначе как полным недоразумением не назовешь.

военные и послевоенные годы. Если сразу после 1917 ученые были частью «революционной стихии», вместе с которой эвакуировались с Белыми войсками, бежали самостоятельно, высылались советским правительством, то с конца 1920-х процесс научной эмиграции принял иной характер: научные специалисты навсегда покидали СССР уже вполне индивидуально, используя легальные возможности командировок, конференций и работы по грантам различных фондов. В военные годы (самый закрытый и неисследованный период истории отечественной науки!) часть научной интеллигенции, поставленная в условия жесточайшего и безальтернативного выбора между сталинизмом и нацизмом, сыграла весьма существенную роль в движении «коллаборационизма», тем самым вольно или невольно проложив себе дорогу на Запад – как в немецкие научные учреждения, так и в исследовательские структуры союзников. С другой стороны, в этот период за учеными в массовом масштабе начали охотиться спецслужбы всех развитых стран: их выкрадывали, вывозили, переманивали. Как кажется, обнаруженное советским руководством именно в годы Второй мировой войны резкое изменение роли научного сообщества в современном мире в значительной мере и определило то, что «железный занавес» «холодной войны» оказался для советской науки куда менее проницаемым, чем в кровавые 1930-е или «сороковые-роковые».

В то же время остаются неизученными и многие важные, но более частные сюжеты из истории научной эмиграции. Так, весьма интересным представляется вопрос о том, какое место в работе с эмиграцией отводилось советским дипломатическим представительствам. Были ли они просто пассивными наблюдателями и непосредственными исполнителями воли Москвы или инициативно формировали ту атмосферу и среду в странах пребывания, которые привлекали и завлекали патристически настроенных эмигрантов, в том числе и ученых. Хорошо известно, что практика «возвращения» кардинально отличалась в до- и послевоенные годы. Если в 30-е годы немногочисленные просьбы профессуры (например, В.А.Костицына) вернуться в СССР встречали дружный отказ, то в послевоенные годы организация постоянного возвращенческого канала становилась уже важнейшей политической задачей всех советских посольств. Кто был главным идеологом и архитектором этой кампании, вполне понятно, а вот кто и как именно прокладывал этот канал на местности, «за сценой», остается непроясненным и слабо документированным.

Все публикуемые ниже документы – повод к разработке отдельных тем и в то же время неплохой строительный материал для более общих заключений. Они хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета (США): Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture (далее – BAR:). George Vernadsky Collection.

Нина В. Вернадская⁴
Скорбные дни Рождества 1944–<19>45 года

Публикуемые записи посвящены весьма деликатной теме – как дети-эмигранты узнают о кончине на родине своих родителей. Записки жены Г.В.Вернадского зафиксировали, как в США узнали о последних днях выдающегося естествоиспытателя, философа, организатора и историка науки, политического и общественного деятеля, академика Владимира Ивановича Вернадского.

Фигура академика В.И.Вернадского в представлении не нуждается. За годы перестройки он превратился в культовую фигуру российской науки, олицетворяющую собой пример истинного служения отечеству. Между тем, академик всегда утверждал, что «ученый по существу интернационален – для него на первом месте, раньше всего стоит его научное творчество, и оно лишь частично зависит от места, где оно происходит. Если родная страна не даст ему возможности его проявить, он морально обязан искать этой возможности в другом месте»⁵. Несмотря на неоднократные попытки научно устроиться за границей, Вернадский так никогда и не эмигрировал из России. Лишь в очень преклонном возрасте академик стремился уехать в США к детям⁶ – сыну, историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1978) и дочери, врачу-психиатру Нине Владимировне Толль⁷. Советские власти были прекрасно осведомлены об этом желании ученого (переписка Вернадских⁸ во время войны шла непосредственно через посла СССР в США М.М.Литвинова), однако совершенно не препятствовали

4 Нина Владимировна Вернадская (урожд. Ильинская; 1884–1971) – жена Георгия Вернадского. Ее «Записки обывательницы» опубл.: *Нина Вернадская. Записки обывательницы* / Публ. М.Ю.Сорокиной // Диаспора. Вып.3. С.629-640). Здесь же см. подробнее ее биографию.

5 Письмо Н.П.Горбунову (не позднее октября 1928). – ГАРФ. Ф.1698. Оп.1. Д.3. Л.3об.

6 См. письмо В.И.Вернадского М.М.Литвинову от 24 декабря 1941. – АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1975. Последняя встреча В.И.Вернадского с детьми произошла в сентябре 1935; впечатления от нее Н.В.Вернадская записала в дневнике: «На вокзале встретили Владимир Иванович, Ниночка <дочь В.И.Вернадского. – М.С.>, очень толстая (погрубевшая), но как всегда сияющая приветливостью. Владимир Иванович какой-то стал сухенький и физически и духовно. Он как-то грустно изменился. В предыдущий наш приезд он был удивительно светлый и мягкий. А теперь он старчески тянется к Танечке <внучка В.И.Вернадского. – М.С.> как к продолжательнице рода и других как-то не замечает и бывает нелюбезен. Что-то в этом тяжелое» (ВАР. G.Vernadsky Coll. В.141. F.5). Отмечу также, что США всегда привлекали внимание В.И.Вернадского как динамично развивающаяся социальная система; см., например, его «Мысли за океаном» (Независимая газета. 1998. 11 марта. Публ. И.И.Мочалова).

7 Толль (урожд. Вернадская) Нина Владимировна (1898–1986). В годы Гражданской войны жила с родителями на Украине. С 1922 – в Чехословакии, окончила медицинский факультет Пражского Карлова университета. Работала в представительстве Российского Красного Креста в Праге. В 1926 вышла замуж за археолога Н.П.Толля (о нем см. примеч. 32). В 1939 они переехали в США, где в 1940–1953 Н.В.Толль работала в психиатрической клинике под Бостоном.

развитию темы «воссоединения семьи». Еще до кончины отца Г.В.Вернадский собирался приехать в СССР: «Советское правительство дало мне и Нине разрешение на поездку в Москву для свидания с отцом и даже места на советском самолете. Лететь мы должны были через Аляску и Сибирь. Все уже было налажено и мы готовились выезжать, как позвонил советский консул из Нью-Йорка и сообщил о папиной кончине (6 января 1945)»⁹. Но и в дальнейшем Г.В.Вернадский не оставлял мысли посетить родину; 3 сентября 1946 он сообщал своей кузине С.М.Бакуниной: «У нас был план поездки в Москву на будущее лето, т. к. мне хочется ознакомиться с архивом отца, но не знаю, осуществимо ли это. Пока еще ничего для этого не предпринимали»¹⁰.

Как видно из этих писем и публикуемых ниже записок Н.В.Вернадской, советские власти всячески содействовали контактам Вернадских, по-видимому, не без оснований рассчитывая в перспективе на пропагандистские дивиденды очередной акции «возвращения». Начало «холодной войны» остановило реализацию этих планов, и Георгий Вернадский так никогда и не побывал в СССР.

Записки Н.В.Вернадской хранятся в: VAR. George Vernadsky Collection. Box 143 (Notes).

8 Отмечу, что многие сотни листов переписки семьи Вернадских, интенсивно продолжавшейся все 1920-е – 1940-е, – уникальный историко-культурный памятник эпохи, достойный отдельного издания. Публикации переписки уже многократно появлялись в печати, однако далеки от архивной исчерпанности. См.: *Вернадский В.И.* Пять «вольных» писем В.И.Вернадского сыну: Русская наука в 1929 / Публ. К.К. <Г.Г.Суперфина> // *Минувшее: Исторический альманах.* Вып.7. Paris, 1989. С.424-450 (также: *Родина.* 1990. №9. С.84-86; *Вестник РАН.* 1993. №9. С.822-923); *Письма сыну и дочери* / Публ. и подгот. Д.Холлоуэй, В.Я.Френкель, И.И.Мочалов // *Вестник РАН.* 1990. №12. С.123-133; «Я сделал все, что мог...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // *Вопросы истории естествознания и техники.* 1994. №1. С.105-113; «Я смотрю в будущее по-прежнему оптимистично...» / Публ. И.И.Мочалова, В.Я.Френкеля и Д.Холлоуэя // Там же. 1993. №4. С.56-66; 1994. №2. С.98-106; *Сорокина М.Ю.* 1) *Week-end в Болшево, или Еще раз «вольные» письма академика В.И.Вернадского* // *Минувшее.* Вып.23. С.295-344; 2) *Соблазн тоталитаризмом* // *Столичные новости (Киев).* 1998. 17–24 марта. С.14-15; «За СССР выявляется лик истрадавшей России»: *Письма Вернадского детям* / Публ. М.Ю.Сорокиной // *Природа.* 2004. №1. С.64-80).

9 Письмо Г.В.Вернадского С.М.Бакуниной от 5 октября 1945. – VAR. S.M.Bakunina Coll. В.6. О Бакуниной см. примеч. 1 к письму 1 М.А.Критского в наст. публ. Мать Г.В.Вернадского Наталья Егоровна скончалась в эвакуации в 1943.

10 Там же. По утверждению хранителей кабинета-музея В.И.Вернадского, после кончины отца Г.В.Вернадский "предъявил Институту геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского" счет на стоимость мебели кабинета отца в 15 тысяч рублей, которые были ему выплачены" (*Ивановская И.Н., Неаполитанская В.С.* Кабинет-музей В.И.Вернадского: Путеводитель. М., 2000. С. 9).

14 января 1945

Рождество 1944 года

27 декабря в 7 часов утра по телефону передали телеграмму из Москвы, 26 декабря в 12.31 дня: «Father dangerously ill Right hand speaking faculty paralysed Surrounded good care Will send often news Anna Shakhovskaia»¹.

Мы ответили: «We are deeply grieved father's illness Convey him our love Tell him his article Noosphere being published in American Scientist to appear this January Wish could be near him with you all»².

Вечером 27-го в 7 часов

Георгий звонил по телефону Ниночке³, спрашивал, что она думает; она говорила, что если первую неделю будет без перемен, то есть надежда.

29-го утром в 7 часов, пятница

телефон мне от Кисочки⁴: от 28 декабря 2 часа 19 мин. (Телеграмма перепутана: «Dear brother Theodorized^{так?} Letter follows Katherine Pinskaia»⁵).

Мы ответили: «Cable received distorted Understood brother Theodore died Deeply grieved Our love to all Nina Vernadsky»⁶.

В субботу 30-го утром в 10 ч<асов>

телеграмма от 29-го 2 ч<аса> 40 <минут> дня о Владимире Ивановиче: «No change A.Shakhov-skaia»⁷.

В эту же субботу днем звонил по телефону из New York'a вице-консул Михайлов⁸, объявил Георгию, что ему дано разрешение для поездки в Москву, просил на другой день приехать для переговоров к 3-м часам.

В воскресенье 31 декабря.

Георгий поехал в New York, пришел в советское консульство в 3 часа, говорил сначала с Пав<лом> Петр<овичем> Михайловым, спросил, может ли Нина ехать. Тот сказал, что не видит препятствий, но что надо запросить Москву, и что думает, что поездку можно устроить в советском самолете, потом представил Георгия генеральному консулу Евг<ению> Дм<итриевичу> Киселеву⁹. Тот подтвердил сказанное Михайловым, и когда Георгий выразил сомнение, сможет ли он себе устроить отпуск в университете, Киселев сказал, что это нужно во что бы то ни стало устроить, что врачи считают, что приезд сына может продлить жизнь академику Вернадскому и что долг Георгия перед наукой и Советским Союзом

помочь продлить жизнь академика Вернадского. Георгий ответил, что это прежде всего его сыновний долг, на что Киселев ответил: «Да, да, конечно». Вернулся Георгий к вечеру, Нового года не встречали.

В понедельник

обдумывали и обсуждали с Гришей <Старицким>¹⁰ и Софьей Владимировной <Паниной>¹¹. Она советовала отложить до весны (она приходила к нам с тех пор каждый день и трогательно беспокоилась больше нас самих).

Вторник 2-го января.

Утром <Георгий> переговорил с Labaree¹², рассказав ему о положении дел, не ожидая, что можно устроить отпуск сейчас же. Но он отнесся сердечно, сам предложил Георгию устроить отпуск с 15 января до 1 марта, что со стороны History Department не будет препятствий, но что он думает, что и Administration согласится. Уже в 12 ч <асов> дня он позвонил, что говорил с Seymour'ом¹³ и что все устроено.

В этот же день, вторник 2 января, Георгий звонил Hutchinson'у¹⁴, сказав, что Георгий и Нина собираются в Москву, на что Hutchinson сказал, что постарается к отъезду отпечатать оттиски папиной статьи о Ноосфере, чтобы Георгий и Нина могли ее ему отвезти.

Labaree переговорил с Dean Meeks'ом¹⁵ и Hamilton'ом¹⁶, и Hamilton согласился закончить курс Георгия History 45A⁷ в Yale College.

В это же утро Нина¹⁷ получила письмо от Office of Censorship¹⁸ (cable and radio censor) с просьбой удостоверить свою личность и объяснить предполагаемый ими скрытый смысл в телеграмме о смерти Феде. Нина ответила, и они отстали. Днем Георгий звонил Михайлову и сообщил о получении отпуска из университета и что Георгий и Нина готовы ехать, если дадут обоим разрешение и проезд. Георгий сказал, что собирается в пятницу 5-го января быть в Вашингтоне, чтобы повидать посла и хлопотать в State Department¹⁹ об американском паспорте.

Михайлов сказал, что он позвонит об этом послу и чтобы Георгий ему, Михайлову, позвонил накануне поездки в Вашингтон. Вечером звонил по телефону Мише Карповичу²⁰, объяснив ему, в чем дело, и прося его прочесть за Георгия последнюю лекцию по курсу в Columbia²¹ 15 января и прочесть экзаменационные тетрадки. Он согласился.

Написал Георгий special delivery²² Krout'у²³ в Columbia и John Ross'у²⁴ в Вашингтон.

В среду вечером получили телеграмму от 2 января: «Got little hope recovering Medical assistance provided Send our love Anna Shakhovskaia»²⁵. Легли спать, думая, что это значит – «мало надежды на поправку», но утром Георгий воспламенился надеждой, что Аня хотела сказать «маленькая надежда на поправку».

Среда.

Нина остриглась, и оба снялись для паспорта.

Четверг.

Софья Владимировна сначала поняла телеграмму, что мало надежды, а потом пришла сказать, что возможно, что есть надежда.

Нина служила панихиду о Феде.

Георгий уплатил подходящий налог 215 долларов, так как ему сказали в Travel bureau в Taft'е, что квитанция об уплате нужна для получения паспорта (оказалось потом, что для граждан это не нужно).

В 3 часа Георгий говорил по телефону с Михайловым, который сказал, что посол предупрежден о Георгином приезде и что Георгий может его видеть в любое время после 9-ти утра.

В 11 ч. вечера, четверг 4-го января

Георгий выехал в Вашингтон. Сидел 2 часа на Pennsylvania Station, поезд опоздал и вместо 8 утра пришел почти в 9 в пятницу 5 января. В советское посольство Георгий попал без четверти 10. Посла не было, вышел его секретарь Слюсаренко и сказал, что посол примет Георгия в 11.30. Георгий пошел в State Department к Ross'у и условился, что придет опять в 2.15 и что Ross устроит ему свидание с необходимыми лицами по получении паспорта. В 11.30 Георгий пришел в посольство, у посла сидел еще посетитель, какой-то другой посол. Посол Андр<ей> Андр<еевич> Громыко²⁶ принял Георгия без четверти 12 (5 января пятница). Сказал, что уверен, что разрешение Нине дадут, но еще Москву не запрашивал. Сказал, что проезд будет предоставлен на аероплане, но что в уведомлении из Москвы не было сказано, что проезд даром, впрочем, думает, что препятствий не будет, также и насчет продовольствия в дороге. Насчет разных деталей сказал, чтобы Георгий поговорил с заведующим консульским отделом товарищем Туманцевым. Секретарь Слюсаренко проводил Георгия к Туманцеву (во флигеле того же здания). Пока Слюсаренко вел Георгия через роскошные гостинные посольства, Георгий сказал ему: «У Вас хорошее помещение», на что он ответил: «Да ничего, только тесновато, мало места». С

Туманцевым говорил о размене денег, продовольствии дорогой, во что одеться и т. д.

Вышел из посольства в час дня. Ни в один из ресторанов не мог попасть, всюду толпы и очереди. Закусил в грязной дыре. В 2.15 пришел к Ross'у в State Department. Ross сначала представил Георгия временно заведующему Русским Отделом Elbridge Durbrow²⁷, который дал карточку к George F. Kennan²⁸ в Американское посольство в Москве, был вообще очень любезен. Потом Ross провел Георгия в паспортный отдел через улицу и представил Mrs Shiply. Она лично опросила Георгия для заявления о паспорте и обещала выслать паспорт без замедления. Пospел на вокзал только к 5-ти часовому поезду, на вокзале в ресторане толпы – невозможно поесть. Поезд вышел из Вашингтона с опозданием и пришел на Pennsylvania Station с опозданием почти на час. Не поспел к 10 час<овому> поезду на Grand Central, зато поужинал у Childs'a²⁹. Приехал домой только в 2 часа ночи. На утро вставали в 7 ч<асов> – лекция.

В субботу 6 января послал air mail³⁰ в Seattle Aliaskan Travel Control Comission с просьбой о разрешении на пролет от Great Falls Montana до Fair Banks Alaska.

3-6 [января] были Ниночка и Танечка³¹, приехавшие из Foxbogo Mass<achusets> повидаться. Н.П.<Толль>³² не пришел, хотя мы его звали. Позже пришли Софья Владимировна и Гриша. Было очень трогательно и хорошо. Танечка в очках, и в первый раз в ней почувствовался перелом к сознательности³³.

В воскресенье 7-го января около 8 часов вечера позвонил Михайлов: «Приготовьтесь услышать тяжелое известие. Академик Вернадский Владимир Иванович скончался в Москве вчера в 4 часа утра. Посол, Генеральный консул и я лично выражаем Вам и Вашей жене свое соболезнование». Георгий в ответ что-то сказал, упомянув, что выражаю Sic!^{<так!>} сочувствие Академии наук. И сказал, что вопрос о поездке, конечно, отпадает. Михайлов сказал: «С дипломатической стороны не отпадает, разрешение не отменено». Георгий сказал, что он хотел ехать к отцу, а так ему ехать ни к чему. Он сказал: «Во всяком случае, зайдите как-нибудь ко мне».

Георгий сказал: «Хорошо, потом, я напишу».

Позвонила Нина Софье Владимировне, а Георгий позвонил Ниночке, которая очень просила к ней приехать завтра. Георгий сказал, что завтра едет в New York читать лекцию, приедем на днях. Нина сразу вдруг как волну ответственности почувствовала за

Ниночку и Танечку, точно эта телеграмма переложила заботу и ответственность с родителей на брата и сестру.

Георгий написал послу, выражая благодарность за доброе отношение, и Михайлову, сообщая, что будет у него в следующий понедельник в 3 часа дня.

Понедельник 8 января

Пришел паспорт. Георгий звонил Labaree, Hamilton'у и Hutchinson'у. В 4.30 разговаривал с Krout'ом в Columbia, Krout сообщил, что отпуск дан. Георгий ответил, что в этом уже нет надобности.

Обед с Керенским в Columbia Faculty Club. За обедом Krout зачем-то сказал Керенскому о смерти отца Георгия. Керенский после обеда долго молча жал Георгию руку. Флоринский³⁴ тоже услышал и приставал, каким образом Георгий услышал о смерти отца. Вместо первого часа лекции Георгий был со своими студентами на докладе Керенского. Второй час Георгий кое-как прочел лекцию. У Нины была в этот вечер Елена Roberts³⁵ (было тяжело быть одной). Позвонили по телефону телеграмму из Москвы Sic!^{<так!>}, отказались сообщить ее Нине. Когда Георгий вернулся в 12 часов ночи – позвонил в Western Union. Телеграмма: «Deeply grieved Your father died Accept heartfelt sympathy Anna Shakhovskaia Catherine Pyinskaia»³⁶.

Вторник 9 января.

В 11 служили панихиду новопреставленных Владимира и Федора. Присутствовали, кроме Нины и Георгия, Гриша, Соф<ья> Вл<адимировна> Панина, Ал<ексан>др Ив<анович> Петрункевич³⁷, Prof. Hutchinson. Днем отправили Ане <Шаховской> следующую телеграмму: «Deeply grieved father's death Very grateful you both for your cares With love George Nina Vernadsky»³⁸.

В четверг в 11.35

выехали в Foxbogo к Ниночке и Танечке. Пробыли там сутки. Очень было хорошо и тепло. Вернулись в пятницу вечером. Так все кончилось³⁹.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Отец опасно болен. Правая рука, речь парализованы. Окружен хорошей заботой. Буду часто посылать новости. Анна Шаховская» (здесь и далее пер. с англ. наш). Шаховская Анна Дмитриевна (1889–1959) – дочь ближайшего друга В.И.Вернадского, известного общественного деятеля Д.И.Шаховского (1861–1939). С 1938 – личный секретарь Вернадского, после его кончины основатель и хранитель

Кабинета-музея В.И.Вернадского в Институте геохимии и аналитической химии им. В.И.Вернадского АН СССР.

² «Глубоко переживаем болезнь отца. Передайте ему нашу любовь. Скажите ему, что его статья Ноосфера будет опубликована в American Scientist в этом январе. Очень хотели бы быть возле него со всеми вами» (*англ.*). Статья В.И.Вернадского «Несколько слов о ноосфере» в переводе Г.В.Вернадского и под редакцией Д.Хатчинсона (о нем см. при меч. 14) была опубликована в самом распространенном научном американском журнале «American Scientist» (1945. Vol.33, №1. P.1-12) уже после кончины ученого, в январе 1945. Более подробно об издании этой работы и ее текст см.: *Вернадский В.И.* Биосфера и ноосфера / Сост. В.С.Неаполитанская, А.А.Косоруков, И.Н.Нестерова. М., 1989.

³ Здесь и далее Ниночка – родная сестра Г.В.Вернадского, врач.

⁴ Ильинская Екатерина Владимировна (1882–1962) – родная сестра Н.В.Вернадской. В 1931 сослана в Сибирь по религиозным убеждениям (баптистка); с помощью Е.П.Пешковой и Политического Красного Креста освобождена. Затем Вернадские пытались «выкупить» ее в США (имеется в виду широко практиковавшаяся в 1930-е выдача разрешений на выезд из СССР за определенную сумму в валюте), но это не удалось, и она осталась в СССР, жила в семье В.И.Вернадского. Скончалась в Тарусе.

⁵ «Дорогой брат Федор... Письмо посылаю. Катерина Ильинская» (*англ.*).

⁶ «Телеграмма получена искаженной. Поняли, что брат Федор скончался. Глубоко скорбим. Всем наша любовь. Нина Вернадская» (*англ.*). Теодор – Федор Владимирович Ильинский, родной брат Н.В.Вернадской. В 1925 за сочинение шуточной поэмы о Карле Марксе сослан на Соловки на 3 года; затем жил в Екатеринбурге, Ясной Поляне, занимался литературным трудом.

⁷ «Без изменений. А.Шаховская» (*англ.*).

⁸ Павел Петрович Михайлов (наст. фам. Мелкишев; р. 1902) – советский разведчик. В 1940-1941 начальник отделения военно-технического отдела Разведуправления Генштаба, затем главный резидент ГРУ в США (1941–декабрь 1945; псевд. «Мольер»). В декабре 1945 объявлен персоной «нон грата» в США. В 1950-1960-е работал в Европе под именем Ф.П.Малина. Позднее один из руководителей ГРУ Генштаба.

⁹ Киселев Евгений Дмитриевич (1908–1963) – генеральный консул СССР в Нью-Йорке (1943–1945); посол СССР в Венгрии (1949–1954), Египте (1955–1958), ОАР (1958–1959); зам. генерального секретаря ООН (1962–1963).

¹⁰ Старицкий Григорий Александрович (1881–1955) – юрист, троюродный брат Г.В.Вернадского. Служил в библиотеке Йельского университета.

¹¹ Панина Софья Владимировна, графиня (1871–1956) – известный общественный деятель, член ЦК кадетской партии; падчерица И.И.Пет-

рункевича. С июля 1917 товарищ министра народного просвещения Временного правительства. В 1918–1920 – на Дону у А.И.Деникина. Эмигрировала, жила в Чехословакии, Швейцарии, США, где принимала активное участие в работе Комитета помощи русским эмигрантам, возглавлявшегося А.Л.Толстой. В США жила в Нью-Хэйвене, на одной улице с Г.В.Вернадским. Похоронена на кладбище Ново-Дивеевского православного женского монастыря, недалеко от Нью-Йорка.

¹² Labaree Leonard Woods (1897–?) – историк-американист, профессор Йельского университета.

¹³ Seymour Charles (1885–1963) – президент Йельского университета (1937–1950).

¹⁴ Хатчинсон Джон (Hutchinson; 1884–1972) – американский биолог, профессор Йельского университета, активный пропагандист идей В.И.Вернадского в США, с которым состоял в переписке с начала 1930-х (см.: АРАН. Ф.518. Оп.3а. Д.94). При его и А.И.Петрункевича (о нем см. примеч. 37) непосредственном содействии была опубликована статья В.И.Вернадского: см.: *Vernadsky V. Problems of Biogeochemistry II* // Transactions of the Connecticut Academy of Sciences. 1944. № 35. P.483–517.

¹⁵ Meeks Everett Victor (1879–1954) – американский археолог, специалист по классической архитектуре, в течение ряда лет декан Йельского колледжа.

¹⁶ Hamilton George Heard (1910 – не ранее 1979) – американский искусствовед, в том числе специалист по истории русского искусства, профессор Йельского университета.

¹⁷ Н.В.Вернадская пишет здесь о себе в 3-м лице.

¹⁸ Отдел цензуры, телеграфная и радиоцензура (*англ.*).

¹⁹ Государственный департамент США.

²⁰ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, ближайший друг Г.В.Вернадского. Эсер в юности, с 1917 в США – секретарь посла России в США Б.А.Бахметева; преподаватель, профессор (1946) русской истории Гарвардского университета, главный редактор «Нового журнала» (с 1943). В 1949–1954 – председатель департамента славянских языков и литератур Гарварда. Похоронен на кладбище Ново-Дивеевского православного женского монастыря недалеко от Нью-Йорка. О Карповиче-историке см.: *Philip E. Mosely, Professor Michael Karpovich* // Harvard Slavic Studies. Vol.4, Harvard Univ. Press (Cambridge, Mass.). 1957. P.7-8; *Болховитинов Н.Н.* «Отечественная история» и Российское зарубежье (Заметки на полях журнала) // Отечественная история. 2000. №5. С.123-126; см. также: *Вернадский Г.В.* Памяти друга // Новый журнал. 1959. Кн.58; Письма М.Карповича Г.Вернадскому / Публ., предисл. и коммент. М.Раева // Там же. 1992. Кн.188. С.259-296.

²¹ Колумбийский университет США, где в 1944–1945 Г.В.Вернадский читал курс как приглашенный лектор.

²² Специальная доставка (*англ.*).

²³ Krout John Allen (1896–?) – историк-американист, профессор Колумбийского университета.

²⁴ Сотрудник Госдепартамента США, бывший студент Г.В.Вернадского по Graduate School Йельского университета, с которым историк сохранял дружеские связи на протяжении многих лет.

²⁵ «Надежд на поправку мало. Медицинская помощь обеспечена. С любовью. Анна Шаховская» (*англ.*).

²⁶ Громыко Андрей Андреевич (1909–1989) – дипломат, с 1939 зав. отделом американских стран НКВД, тогда же направлен советником посольства СССР в США; в 1943 назначен послом в США (до 1946; пришел на смену К.А.Уманскому и М.М.Литвинову). Министр иностранных дел СССР (1957–1985); председатель Президиума Верховного Совета СССР (1985–1988).

²⁷ Elbridge Durbrow (1903–1997) – американский дипломат; заведующий Восточноевропейским отделом Госдепартамента США (1944–1946); советник посольства США в Москве (1946–1948), посол США в Италии (1953–1956), Вьетнаме (1957–1961).

²⁸ Кеннан Джордж Фрост (Kennan; 1904–1987) – американский историк и дипломат. Занимал различные посты в дипломатических и консульских представительствах США, в том числе в Москве в 1933–1936, 1945, посол США в 1952. Г.В.Вернадский познакомился с ним только в 1957.

²⁹ Возможно, известный английский археолог Childs Vere Gordon (1892–1957).

³⁰ Авиапочта (*англ.*).

³¹ Толль Татьяна Николаевна (р. 1929) – внучка В.И.Вернадского, дочь Н.В. и Н.П. Толлей.

³² Толль Николай Петрович (1894–1985) – археолог, муж дочери В.И.Вернадского. Доктор философии Карлова университета (Прага), сотрудник Кондаковского института, затем в США – сотрудник Школы искусств (Art School) Йельского университета.

³³ Танечка Толль с детства была психически больна.

³⁴ Флоринский Михаил Тимофеевич (1894–1981) – юрист, историк, секретарь историка-медиевиста П.Г.Виноградова (о нем см. письма Ф.И.Щербатского в наст. публ., примеч. 3 к письму 3), после смерти которого в 1926 перехал в США. С 1927 служил в Carnegie Endowment for Internatioanl Pease в Нью-Йорке, с 1932 преподавал в Колумбийском университете. Автор монографий по русской истории.

³⁵ Сестра жены бывшего посла России в США Б.А.Бахметева (1880–1951), близкого знакомого Г.В.Вернадского.

³⁶ «Глубоко скорбим о смерти Вашего отца. Примите сердечное сочувствие. Анна Шаховская, Екатерина Ильинская» (*англ.*).

³⁷ Петрункевич Александр Иванович (1875–1964) – зоолог, профессор Йельского университета (США); сын известного русского либерала и друга Вернадских И.И.Петрункевича (1843–1928). В 1903 окончил Фрейбургский университет, затем переехал в США, где сначала

работал в университете Индианы, с 1910 по 1944 – в Йеле. Автор свыше

100 научных работ; переводчик английской и русской поэзии; в 1932–1946 президент Connecticut Academy of Arts and Sciences. В 1950-е жил в Нью-Хэйвене на одной улице с Г.В.Вернадским. Скончался 9 марта 1964 в госпитале St. Raphael; на газетном некрологе Г.В.Вернадский сделал помету: «Похорон не было. Согласно желанию Ал<ександ>ра Ив<анови>ча, тело сожгли, а прах развеян в лесу».

8 января 1945 А.И.Петрункевич направил Г.В.Вернадскому письмо соболезнования:

Дорогой Георгий Владимирович, известие о смерти Владимира Ивановича меня глубоко огорчило, и я спешу выразить Вам и Нине Владимировне глубокое и искреннее сочувствие. Покойный был не только великим ученым, но и замечательным человеком. Память о нем долго будет жить в сердцах знавших и любивших его. Да будет сознание об этом Вам облегчением в Вашей потере. Для меня он всегда был одним из самых близких мне ученых. Я преклонялся перед его безграничным знанием и работоспособностью и ценил его логический, проницательный ум. Он останется навсегда гордостью своего поколения, и наука его не забудет.

Ваш старый, любящий вас друг Александр Петрункевич
(BAR. G.Vernadsky Coll. B.164).

³⁸ «Глубоко скорбим о смерти отца. Очень благодарны Вам обоим за заботу. С любовью Георгий и Нина Вернадские» (англ.).

³⁹ В одном деле с записками Н.В.Вернадской находятся два письма А.Д.Шаховской сестре Георгия Вернадского Нине с подробностями о последних днях В.И.Вернадского:

26 декабря 1944:

Дорогая моя Ниночка, пишу тебе с тяжелым сердцем; наступило последнее время в жизни Твоего, так горячо любимого тобой и всеми нами отца, бесконечно дорогого Владимира Ивановича. Сегодня мы посылаем тебе и Георгию телеграммы об его тяжелой болезни и также по телеграфу будем сообщать и дальше, но в письме хочу написать тебе об нем все подробности. Исход не виден, но как ты знаешь из телеграммы, парализована речь и правая рука и общее состояние тяжелое.

Мало надежды на выздоровление, да если чудом Господь и продлит еще его жизнь, то уже это будет период угасания, хотя, может быть, он и будет озарен еще большей благодатью к Господу. Все, все мы передаем в Его волю, твердо уповая, что Господь изберет для него лучшее – то, что необходимо для его души. Сейчас он уже отделен от всех нас, от этой жизни какой-то завесой. В нем уже идет своя жизнь. Минутами он узнает, но как бы издалека. Таинственно готовится он к переходу...

Но расскажу тебе все про последние недели, т. к. тебе все дорого про него знать до мельчайших подробностей.

Началось с его болезни 12-го декабря. До этого он чувствовал себя хорошо в общем, но из-за небольших недомоганий он не гулял и ему очень хотелось возобновить прогулки, но погода не благоприятствовала.

Но дома он как-то простудился (он обтирался по утрам теплой водой, а в комнате было холодновато), и 12-го поднялся озноб и t 38,2.

Врач тотчас приехал, определил начало воспаления правого легкого (гриппозное) и прописал сульфазоль. Это снизило t , уже вечером было 37,4, потом уже нормальная. Воспаление быстро ликвидировалось.

Но очень разошлась аритмия – дня три она была очень резкая и особенно по ночам, он дышал так неровно, с какими-то как будто задыханиями, что нас это очень пугало, хотя врачи и успокаивали. Но с 18-го аритмия очень улучшилась, пульс выровнялся (давали хинидин). Несколько дней он был очень слаб, все засыпал, особенно с утра. Врач позволил ему немного вставать, выходить в столовую для еды, немного сидеть в кресле.

И вот 24-го в Воскресение он как будто уже был совсем здоров, оживлен, много слушал.

Ему много читали. Он за эту болезнь прослушал Пушкина: Капитанскую дочку, которой он очень восхищался, и Руслана и Людмилу.

Слушал газеты что называется от доски до доски. Почти каждый день вспоминал и о делах и задавал какие-нибудь вопросы в связи с этим.

В начале болезни и кушал с большим аппетитом, но в конце приходилось его уговаривать; говорил, что есть не хочет и только после долгих убеждений соглашался кушать.

В воскресенье я была дома, не видела его.

А в понедельник, 25-го, утром в 9 час<ов> – произошло кровоизлияние.

Он пошел в уборную (желудок плохо очищался и приходилось принимать меры) и, очевидно, напрягался. Так как он долго не выходил, то Прасковья Кирилловна <многолетняя домработница Вернадских. – М.С.> и Катя (меня еще не было) принялись стучать. Ответа не было. Тогда дверь открыли – и видели его лежащим с открытыми глазами, но без сознания. Пришлось позвать еще мужчину из низу, чтобы его поднять и положить на кровать.

Оказалось, что не действует правая рука и отнялась речь. Врачи прописали полный покой, поставили пиявки.

С тех пор идет третий день. Сознание временами проясняется, иногда он издает невнятные звуки; сердце работает хорошо, на второй день он стал глотать, т. ч. пьет чай сладкий с лимоном, сок из мандаринов, сегодня съел немножко жиденького киселя.

Но временами страшно возбуждается, старается встать и куда-то идти. Приходится в такие моменты впрыскивать пантопон.

Врачи находят, что течение болезни идет неплохо, не отнимают надежды на выздоровление. Но общее состояние продолжает быть тяжелым.

16 июля 1945:

...накануне смерти он взял мою руку и что-то говорил, говорил, как будто даже повторял, т. к. интонации как-то повторялись. Что он хотел сказать, нельзя было понять, но я это приняла как прощание. Эти последние дни были какие-то совершенно особенные по своей значительности и в то же время простоте. Дух жил какой-то своей жизнью, он был недоступен для обычного общения через слова, но он был все время в единении с каким-то потоком духа – с Богом, как бы он его ни понимал. А мы еще не могли вступить в эту область, мы только видели его сосредоточенное значительное лицо, которое как-то менялось, то успокаивалось, то было полно беспокойства, тревоги, искания чего-то. Временами лицо было так прекрасно, как лицо вдохновенного пророка.

Что он видел? Какие образы перед ним проходили? Где была граница между бредом и действительностью? Что он познал за эти 13 дней? Знаю только одно, что это было нужно. Что это были дни не бесплодных страданий, а восполняли как-то искания всей его жизни, довершали что-то в его жизни недоделанное.

(BAR. G.Vernadsky Coll. B.143)

2.

«В прежнем моем перерождении
я, несомненно, был англичанином...»
Ф.И.Щербатской – В.И.Вернадскому

Как гласит эпитафия, академик Федор Ипполитович Щербатской (1866–1942) «объяснил своей стране ум древних мыслителей Индии»¹¹. Выдающийся санскритолог и буддолог, в начале 1921 он был командирован Наркомпросом в Европу для «закупки книг и инструментов для Академии Наук», как гласит официальная мотивировка. На самом деле академик,

¹¹ Начертано на могильной плите Ф.И.Щербатского (поселок Боровое, Северный Казахстан). Выделим следующие работы о научном творчестве Щербатского: Семичов Б.В., Зелинский А.Н. Федор Ипполитович Щербатской // Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М.: ГРВЛ (Главная редакция восточной литературы - можно убрать)², 1988. С.15-41; Встреча Востока и Запада в научной деятельности Ф.И.Щербатского / Вступит. ст., сост., примеч. Я.В.Василькова Именно так // Восток – Запад: Исследования. Переводы. Публикации. Вып.4. М.: ГРВЛ, 1989. С.178-264; Шохин В.К. Ф.И.Щербатской и его компаративистская философия. М., 1998. Во всех указанных работах есть библиография трудов Ф.И.Щербатского и основная литература о нем.

пользовавшийся большой известностью на Западе и до революции, принимал участие в различных акциях советского внешнеполитического ведомства, направленных на восстановление и расширение российского влияния в мире.

Щербатской, как едва ли не все академические востоковеды того времени, консультировал большевистских дипломатов, в надежде на поддержку ими своих не реализованных до революции научных планов. В 1918 под эгидой Русского комитета для исследования Средней и Восточной Азии он пытался организовать научную экспедицию в Тибет, которая помимо исследовательских задач должна была заниматься сбором сведений о ситуации вдоль северной границы Тибета. Еще более буддолога привлекал проект Г.В.Чичерина – Л.М.Карахана по установлению дружеских связей с Далай-ламой, с которым в предреволюционные годы Щербатской неоднократно встречался. В свою очередь, ленинские дипломаты, используя старые неформальные связи «бывших», предполагали продвигать «мировую революцию» в страны буддийского Востока и в то же время начать осаду главной цитадели британского империализма в Азии – Индии¹².

Тибетская экспедиция Щербатского не состоялась; «академические» востоковеды были отодвинуты их «революционными» коллегами и их новыми фантастическими проектами. Однако активная позиция академика запомнилась властям: в 1920–1921 уже сам нарком просвещения А.В.Луначарский ходатайствовал перед В.И.Лениным о научной командировке Ф.И.Щербатского за границу, его поддержали наркоматы иностранных дел и внешней торговли. Вскоре академик был уже в Европе, в качестве члена советской делегации под руководством Л.Б.Красина участвуя в Лондоне в важных переговорах, завершившихся созданием здесь Русской торговой миссии (1922).

Однако европейская миссия была омрачена для Щербатского негативным отношением к нему эмигрировавших соотечественников, в том числе коллег по цеху. Неожиданно для себя объявленный большевистским агентом¹³, «подвергнувшись шпионажу», Щербатской признавался в письме С.Ф.Ольденбургу, что плохо представлял себе психологию русской

12 См.: *Андреев А.И.* От Байкала до священной Лхасы: Новые материалы о русских экспедициях в Центральную Азию в первой половине XX века (Бурятия, Монголия, Тибет). СПб.; Самара; Прага: Агни, 1997. С.124-217. Десять лет спустя, в 1929, С.Ф.Ольденбург, выступая в защиту Щербатского, лишённого избирательных прав, подчеркивал его большие заслуги перед советским правительством и, в частности, упоминал его участие в 1919 в обсуждении в НКВД «вопроса об ответственнейшей в политическом отношении экспедиции в Тибет» (Там же. С.126).

13 Напомним, что Ф.И.Щербатской происходил из семьи высшего малороссийского духовенства и имел родовое поместье в Новгородской губернии. Его брат А.И.Щербатской много лет служил по дипломатическому ведомству, был посланником в Южной Америке, а в конце осени 1920 назначен дипломатическим представителем адмирала А.В.Колчака в Константинополе. Родная сестра Щербатского – Мария была замужем за последним Государственным секретарем Российской Империи Сергеем Ефимовичем Крыжановским, с которым разделила эмиграцию.

эмиграции, готовой «всех нас перевешать по возвращении в Россию»¹⁴. Из этой поездки Щербатской вернулся в СССР осенью 1923 и больше за границу никогда не выезжал.

По мнению известного востоковеда Я.В.Василькова, Щербатской никогда не думал об эмиграции: «Более того, он определенно относился к числу ученых, веривших, что революция означает не гибель культуры, а, наоборот, открытие новых перспектив для ее развития»¹⁵. Публикуемые ниже письма Ф.И.Щербатского В.И.Вернадскому¹⁶ показывают, что на самом деле вряд ли все было так однозначно.

Публикуемые письма хранятся: BAR. George Vernadsky Coll. Box 85.

1

31 мая 1922
<Лондон>
National Hotel
Upper Bedford Place

Дорогой Владимир Иванович!

Получили ли Вы мое письмо, я сегодня вернулся в Лондон, от Вас не нашел ни письма, ни книги. Быть может, на почту отослали, т.к. здесь в отеле они не очень аккуратны.

От мамы получено письмо, что С.Ф.<Ольденбург>¹ нездоров, лежит. Ему необходимо уехать, отдохнуть, но, по-моему, не в Париже, где его <обступят> эмигранты, а в маленький университетский городок Германии. По возвращении, кстати, ему нужно окончить некоторые работы, которые залежались до невозможности².

Ваш Ф.Щербатской

Поклон от меня В.М.Шатько³. Не слышали ли, выехал ли В.В.Бартольд⁴?

14 Цит. по: *Васильков Я.В.* Встреча Востока и Запада... С.195.

15 Там же. С.193.

16 Ф.И.Щербатского и В.И.Вернадского связывали более полувека дружеских и научных отношений; их переписка охватывает 1890–1940 годы; ее наиболее интенсивная часть приходится на 1927–1940, причем подавляющая часть писем принадлежит Вернадскому (24), меньшая (6) – Щербатскому. Основная часть переписки, выявленная в российских архивах, опубликована (см.: *Росов В.А.* О переписке В.И.Вернадского и Ф.И.Щербатского // Клаузура ноосферы. Ч.1 (Тезисы ста докладов на научно-практической конференции «Ноосфера – настоящее и будущее человечества»). М., 1988. С.111-114; *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды: Мысли – Источники – Письма. СПб., 1993. С.44-48, 53-70). История философских контактов Щербатского и Вернадского на основе интереса последнего к буддийскому Востоку и буддийской философии подробно рассмотрена в монографии: *Шохин В.К.* Ф.И.Щербатской и его компаративистская философия. С.174-175 (глава 5). Несмотря на то, что автор иронически именует Вернадского «философствующим естествоиспытателем» и «романтическим востокофилом», именно фигурой Вернадского Шохин открывает главу «Преемство».

¹ Ольденбург Сергей Федорович (1863–1934) – выдающийся индолог, один из основателей отечественной индологической школы. Профессор Петербургского университета – с 1897, редактор всемирно известной серии «Bibliotheca Buddhica». Академик (1908), непреходящий секретарь (1904–1929) РАН/АН СССР. В 1916–1934 директор Азиатского музея (Института востоковедения АН СССР). Член ЦК Конституционно-демократической партии, министр народного просвещения Временного правительства в июле – августе 1917. По представлению С.Ф.Ольденбурга (и ряда других ученых) в 1918 Щербатской избирается действительным членом РАН.

² Щербатской прежде всего имеет в виду материалы Восточно-Туркестанских экспедиций С.Ф.Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915), которые при жизни ученого остались не подготовленными к публикации.

³ Вера Михайловна Шатько – соседка Вернадских по первой парижской квартире.

⁴ Бартольд Василий Владимирович (1869–1930) – востоковед-тюрколог. Академик (1913). В 1922 одновременно с В.И.Вернадским получил командировку в Европу, целью которой была подготовка к печати английского перевода его книги «Туркестан», а также участие в Брюссельском конгрессе историков (апрель 1923) и чтение курса лекций по истории среднеазиатских кочевников в Англии.

2

2 августа 1922

<Лондон>

Дорогой Владимир Иванович!

С<ергей> Ф<едорович> Ольденбург> пишет мне, чтобы я оставался насколько можно дольше, что он радуется, что я живу в хороших условиях и могу работать, страшно хвалит мою работу и т. д. – но Вы мне говорили, что он меня дожидает обратно. Мне есть полная возможность здесь устроиться окончательно. Все как будто не ожидают, чтобы в России можно было работать, и мне казалось, что С<ергей>Ф<едорович> может осенью уехать, *только если я вернусь*¹. Пожалуйста скажите, так ли я Вас понял, мне это лежит на совести, и я боюсь, что С<ергей>Ф<едорович> по свойственной ему бесконечной доброте просто не хочет просить меня вернуться².

Буду очень благодарен, если пришлете книгу Розенберга³, она мне очень нужна.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Здесь и далее курсив Ф.И.Щербатского.

² В ответном письме В.И.Вернадский писал Щербатскому из Парижа 8 августа 1922:

Мне очень трудно ответить на Ваши вопросы, но мне кажется, что С<ергей> Ф<едорович> пишет Вам то, что он считает правильным. Я бы всегда считался с его мнением. Я уехал уже скоро два месяца, и многое меняется – а отсюда следить за русской жизнью невозможно. Он Вас ждал – но это было тогда, и с большевиками логика отсутствует. Будет или не будет его отъезд в зависимости от Вашего приезда – никто не может знать. Ведь самое ужасное – отсутствие возможности логических расчетов. Все меняется в зависимости от личности и настроений. Я имею неприятные известия из Петрограда, что он чувствует себя не важно и очень озабочен. На мои письма ответа не получил.

(Цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды. С.55).

³ Речь идет о книге: *Розенберг О.О.* Проблемы буддийской философии. Пг., 1918. Оттон Оттонович Розенберг (1888–1919), наиболее яркий представитель школы академика Щербатского, при жизни успел завершить и опубликовать только одну большую теоретическую работу по буддологии, которая и была издана в 1918. Здесь он сформулировал подход к буддизму как к мировоззрению с четко очерченным кругом базовых идеологем, составляющих ядро буддийской духовной культуры. Осенью 1919, во время наступления Юденича на Петроград, Розенберг с женой пытались бежать из Павловска, где они тогда жили. Им удалось доехать до Таллина, но Розенберг заболел тифом и скончался. Его вдова переехала в Финляндию, откуда писала Щербатскому, готовя перевод книги мужа на немецкий язык (см.: Письма Э.Ю.Розенберг к академику Ф.И.Щербатскому / Вступ., подгот. к печати и коммент. Т.В.Ермаковой // Восток. 1996. №1. С.124-127).

3

<не ранее 3 сентября 1922

Лондон>

National Hotel, Upper Bedford Place

W.C.1

Дорогой Владимир Иванович!

Ceramic Society¹ – должно быть, действительно находится в New Castle – т. к. здесь нет, никто не знает, а в Directory² нет.

Не знаете ли, где Виноградов³, от него ответа из Оксфорда нет. Вероятно, уехал на континент. Не могу от него добиться отчета о UAJ⁴, который он обещал для Академии и не присылает.

Ваш Ф.Щербатский

Ничего нового из России? Книгу еще не получил.

Датируется по содержанию

¹ Приехав в Европу в июне 1922, В.И.Вернадский стал немедленно возобновлять свои международные контакты, в том числе с английским Ceramic Society (ответы Общества о посылке журналов Вернадскому по парижскому адресу см.: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 85). Позднее, в 1923–1924, в «Трудах» Общества Вернадский опубликовал в 1923-1924 две небольшие статьи о поведении каолина при нагревании..

² Здесь: адресная книга (англ.).

³ Виноградов Павел Гаврилович (1854–1925) – историк-медиевист, академик (1914). Профессор Московского университета, один из ведущих в Европе знатоков экономической истории Англии. В 1902–1908 и с 1911 проживал в Великобритании. В 1918 принял британское подданство, активно помогал русским общественным организациям в Англии; почетный секретарь Комитета помощи русским узникам войны, с 1916 – председатель исполкома Русско-английского общества. См. о нем: «Мы в созвездии политических волнений»: Письма П.Г.Виноградова В.И.Вернадскому 1899–1904 гг. / Публ. В.Антощенко // Исторический архив. 2002. №2. С.129-141; Антощенко А.В. Московский ученый за рубежом: Гарвардская коллекция материалов архива академика П.Г.Виноградова // Археографический ежегодник. 1997. С.294–295.

⁴ Возможно: Union of Asiatic Judo.

4

<между 4 и 11 сентября 1922>
London W.C.1
National Hotel, Upper Bedford Place

Дорогой Владимир Иванович!

Благодарю за письмо. Я решил этот месяц еще пробыть здесь, затем двинуться через Брюссель, Бонн, Берлин, Стокгольм домой. Буду по дороге ждать известий и строить путешествие. Очень жаль расставаться с Англией, я ее сильно полюбил, она, очевидно, становится владыкой мира, не потому, чтобы она к этому стремилась, а потому что так велики ее силы и так глупы другие народы! Делать нечего, в прежнем моем перерождении я, несомненно, был англичанином, а теперь я принадлежу к той нации, на совести которой коллективно лежит большевизм! Ужасно рад, что книга Розенберга Вам нравится¹, я поражен сам близостью буддийских построений к результатам самоновейшей науки, она идет гораздо дальше, чем то намечено в книге Розенберга. Вы упоминаете

о квантах? Не припоминаю, с чем их сравнивает Розенберг; с мгновенными комбинациями элементов «дхарм»²?

Книги со скидкой 25–30% приобретает здешняя советская делегация: Mr Kamenetzky, Arcos Lim., Lincolnsinufields, W.C. Не знаю, найдете ли удобным им пользоваться, он очень бойкий и толковый господин.

Недавно получили какие-нибудь известия из Петрограда или России? Буду очень благодарен, если сообщите. Из Брюсселя я мог бы проехать через Париж, это по дороге, но возня с визой, надо писать в Quai d'Orsay³ виноват! проглядела и ждать ответа, это хлопотливо и долго.

Буду очень благодарен, если пришлете Розенберга теперь, мне очень нужен для ссылок.

Преданный Вам

Ф.Щербатской

Датируется по содержанию.

¹ В письме из Парижа 8 августа 1922 В.И.Вернадский писал: «Розенберга читаю – очень интересно. Любопытны точки соприкосновения с самыми новейшими и новыми построениями (напр<имер>, квантами и представлениями о жизни). Как только ее кончу, немедленно перешлю Вам – держите сколько хотите» (Цит. по: *Росов В.А.* В.И.Вернадский и русские востоковеды. С.55).

² Дхармы – элементы бытия. Выяснению этого понятия посвящена небольшая монография Ф.И.Щербатского «The Central Conception of Buddhism and the Meaning of the World Dharma», опубликованная в Лондоне в 1923. Как отмечают известные исследователи творчества Ф.И.Щербатского, «понятие о дхарме – центральный пункт буддийского учения. В свете этого понятия буддизм раскрывается как метафизическая теория, развившаяся из одного основного принципа – идеи, что бытие (существование) является взаимодействием множественности тонких, конечных, далее недоступных анализу элементов материи, духа и сил. Эти элементы под термином «dharma» имеют соответствующее значение, данное им лишь в этой системе» (Цит. по: *Зелинский А.Н., Семичов Б.В.* Федор Ипполитович Щербатской. С.23-24). Как раз один из самых первых шагов, приоткрывший завесу над термином «дхарма», был сделан О.О.Розенбергом в указанной выше книге.

³ Т. е. в Министерство иностранных дел Франции.

Сегодня получил книгу. Спасибо, как раз вовремя, а то моя статья¹ ушла бы в печать без ссылок. Ceramic Society в Лондоне нет, я уже писал Вам. Скоро буду в Париже.

Ф.Щербатской

¹ По-видимому имеется в виду статья Ф.И.Щербатского: Prof. Dr. O.Rosenberg. Eine geographische Skizze // Rosenberg O. Die Weltanschauung des moderner Buddhismus im ferner Osten. Heidelberg, 1924. S.44-47.

6

<27 октября 1922
Париж>¹

Дорогой Владимир Иванович!

По приезде сюда написал Вам, прося назначить день и час, когда я могу к Вам придти. Ответа не было, я думал уже, не уехали ли Вы. Сегодня уезжаю в 7.40 с Gare du Nord², придти не успею. О Комарове³ ничего не слышал. Хлопотали ли Вы о визе Гринбергу⁴? Я писал Вам из Лондона.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Открытка. Датируется по почтовому штемпелю.

² Северный вокзал Парижа.

³ Слухи об аресте академика-ботаника Владимира Леонтьевича Комарова (1869–1945), в дальнейшем – вице-президента (1930–1936) и президента АН СССР (1936–1945), широко распространились в это время в эмиграции, см., например: *Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998. С.87 (запись от 16 октября 1922). Их привез в Париж приехавший в это время из России известный американский историк Фрэнк Гольдер (1877–1929). Сведения не соответствовали действительности.

⁴ Гринберг Захарий (Зорах) Григорьевич (1889–1949) – медик, после 1917 член коллегии Наркомпроса; с начала 1920-х отошел от государственно-административной деятельности, преподавал в МГУ; в 1947 арестован, умер в заключении.

7

<не ранее 21 ноября 1922>

Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

очень жалко, что не свиделся с Вами в Париже. Вы, вероятно, моих открыток не получили. Здесь видел Марра¹, он вчера уехал в

Лейпциг, оттуда поедет в Париж. Известия об арестовании Комарова неверны, но Крачковский сидит уже 3-ий месяц² и никто не знает, за что и по чьему распоряжению! Гринберг спрашивает, приедете ли в Берлин, есть кредит для Радиевого института, т. е. когда Вы можете приехать? Н.А.Котляревскому³ французы отказали в визе, и несчастный сидит в Питере, Бартольд выехал и пока сидит в карантине в Финляндии. Я уже писал Вам, что Гринберг хочет приехать для закупок в Париж и просит, не могли бы Вы помочь ему через Ваших французских друзей достать визу; мне обещал академик Pelliot⁴, больше в Париже никого не было, и я пробыл только несколько дней. Здесь думаю пробыть с месяц, нужно купить для Академии немецкую литературу.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Марр Николай Яковлевич (1864–1934) – языковед, археолог. Академик (1912). Вице-президент АН СССР (1930–1934). Поездка, о которой пишет Щербатской, была уже второй заграничной командировкой Марра. Первая началась в сентябре 1920 и продолжалась 9 месяцев (Лейпциг, Вена, Флоренция, Байонн, Париж). Во время этой поездки Марр получил предложение занять кафедру грузиноведения в Оксфордском университете, но отказался остаться в Англии. Вторая поездка началась в октябре 1922 и продолжалась 8 месяцев. В Россию Марр вернулся летом 1923, проведя за границей в общей сложности около полутора лет. Первая остановка была в Лейпциге – этот город был особенно привлекателен для Марра, т. к. здесь в университете работал его активный сторонник-яфетидолог Ф.А.Браун (1862–1942; см. о нем письма Н.С.Трубецкого в наст. публ., примеч. 10 к письму 2). Переписка Н.Я.Марра с Ф.А.Брауном, состоящая из более, чем 100 писем за 1920–1925, подробно изложена в статье: Федоров А.В. Новые материалы о Н.Я.Марре // Иностранные языки в школе. 1949. №2. С.12-24; см. также: Миханкова В.А. Николай Яковлевич Марр: Очерк его жизни и научной деятельности. М.; Л., 1949. С.314-335.

² Крачковский Игнатий Юлианович (1889–1951) – крупнейший русский арабист XX в. Профессор, с 1944 – зав. кафедрой арабской филологии ЛГУ. С 1916 и до конца жизни научный сотрудник Азиатского Музея (Института востоковедения АН СССР). Академик РАН (1921). В ночь с 19 на 20 июля 1922 арестован ГПУ по обвинению в шпионаже в пользу Финляндии. Сидел в ДПЗ на Шпалерной, в подвальной камере-одиночке. В октябре 1922 Крачковскому было объявлено о предстоящей высылке за границу или в Вятскую губернию, однако 12 января 1923 он был освобожден. Подробнее см.: «Его отсутствие будет бедствием»: Письма в защиту репрессированных. Из следственного дела И.Ю.Крачковского / Публ. В.Гончарова // Источник. 1998. №2. С.51-56; Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь

востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) / Сост. Я.В.Васильков, М.Ю.Сорокина. СПб., 2003. С.220-221.

³ Котляревский Нестор Александрович (1863–1925) – историк литературы, критик. С 1910 – первый директор Пушкинского Дома, академик (1909).

⁴ Пеллио Поль (Pelliot; 1878–1945) – французский синолог, иностранный член РАН (1918), личный друг академика В.М.Алексеева.

8

21 ноября 1922

Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

Письма получил. О Мысовском¹ сообщу. Гринберг получил визу на Париж, приедет дней через 10. Вы сумеете его там устроить. Книги, посланные еще в июне мною из Лондона, еще не дошли, а отсюда, конечно, ничего не доходит. Из Ваших слов выходит, что можно книги и посылки отправлять прямо по почте и это доходит. Я думаю, что книги пойдут в цензуру и там пропадут. Из посылок, которые я посылал мамаше, приблизительно доходила из 4-х одна, а остальное все пропадало. Крачковский не выпущен и, по-видимому, не будет выпущен. Сюда приехал Левинсон², будет скоро в Париже, от него узнал известия, очень неутешительные. Я направлялся в Россию, но запнулся! Как будто, выходит, и С<ергею> Ф<едоровичу> <Ольденбургу> грозит высылка, если не худшее. Видел приехавших высланных, Лапшина, Лосского, Франка³ и других. Какие-то телята! Рассказывают ужасные вещи, но без малейшей злобы! С<ергей> Ф<едорович>, по-видимому, остался один, Бартольд благополучно добрался до Лондона (3 Ур. Bedford Place). Марр в Лейпциге. Все командированные сидят здесь, боятся возвращаться. Поклон В.Шатько, о ней спрашивал Левинсон.

Ваш Ф.Щербатской

¹ Мысовский Лев Владимирович (1888–1939) – физик-радиолог, ученый секретарь Радиевого института (1922–1939), в начале 1920-х возглавлявшего В.И.Вернадским.

² Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861–1939) – геолог и петрограф, академик АН СССР (1925).

³ 15 ноября 1922 философы Николай Онуфриевич Лосский (1870–1965), Иван Иванович Лапшин (1870–1952), Семен Людвигович Франк (1877–1950), а также партия высылаемых из Москвы ученых и писателей, были депортированы в Штетин из Петрограда на «философском пароходе».

9

<Первая декада декабря 1922>

Berlin

Hospiz im Centrum, Holzgartenstrasse 9

Дорогой Владимир Иванович,

оба Ваши письма (из Лондона и сюда) получил; может быть, Вы оттого не получили моей открытки, что я не проставил *agrandissement*¹, а без этого французская почта, несмотря на свою аккуратность, как все говорят, моих писем не доставляет. Вообще, аккуратность вещь относительная; приехав из России, Вам кажется французы аккуратны, если бы же Вы приехали из Англии или Берлина, то, вероятно, судили бы иначе. По приезде я здесь искал книгу, которой не было в Англии, оказалось, что во всей Германии есть один экземпляр в библиотеке в Геттингене, ее мне разыскали и переслали! Вот это так аккуратность! Попробуйте-ка добиться чего-либо во Франции! Я знаю, что такое *Bibliothèque Nationale*! Вчера встретил Сережу Ольденбурга², Вы скоро увидите его в Париже, он говорит, что С<ергей> Ф<едорович> <Ольденбург> не собирается за границу, а мне он писал, что собирается выехать, как только проведет в Москве бюджет³. Мамаша мне пишет, чтобы я *никаких посылок* не посылал, т. к. пошлина стоит *вдвое дороже*, чем купить на месте. Я решил посылать только торгсинские посылки АРА⁴. Относительно Радиевого института имейте в виду, что если хотите заполнить сами, то приезжайте немедленно, а то с нового года кредит закрыт. Здесь могут его исполнить только или А.Б.Ферингер⁵ (*Fasanstrasse 28*) или Архангельский⁶ – они просят инструкций. Марр приехал в Лейпциг, пробыл здесь только 2-3 дня и ничего для отправки литературы сделать не мог. Я здесь в подвале нашел два ящика книг для Академии, лежавших с прошлого года, и никто не знал, какие это книги и для кого, кем и когда куплены!!! Для покупки французской литературы советую приготовить списки, если Гринберг приедет. По-видимому, если Вы не можете помочь через Арпель⁷ или кого-нибудь другого, может быть, придумаете другой путь. Поэт Маяковский (знаете!) получил, однако, визу через Дягилева⁸. Говорят, все можно сделать, безусловно, если обратиться к коготкам! К сожалению, нам этот путь закрыт.

Ваш Ф.Щербатской

Датируется по содержанию.

¹ Округ, городской район Парижа (*фр.*).² Ольденбург Сергей Сергеевич (1887–1940) – сын С.Ф.Ольденбурга, историк, публицист. Участник Белого движения, в 1919 секретарь

редакции газеты «Великая Россия» (Ростов). Эмигрировал, жил во Франции.

³ С.Ф.Ольденбург отправился за границу только в июне 1923. Он побывал в Финляндии, Франции, Германии, Великобритании. Общий тон его европейской корреспонденции был весьма минорным. Так, из Лондона он писал жене 17 июля: «Я явно «варвар»: мне в этой «цивилизации» душно. <...> Мне тяжело в этой золоченой клетке, и меня не понимают, когда я говорю, что у нас неизмеримо больше свободы» (СПбФ АРАН. Ф.208. Оп.5. Д.15. Л.27об.). По-видимому, именно Щербатского Ольденбург имел в виду, когда писал жене из Лондона 31 июля 1923: «Трудно мне со спутниками, особенно с тем, который давно здесь и привык к здешней сытой жизни. Он и вообще ко мне не относился никогда особенно хорошо, а теперь я его раздражаю тем, что он считает просто сентиментальностью и предвзятостью, а меня он поражает отсутствием чуткости и находчивостью в шорах, считая, что он-то понимает жизнь настоящим образом» (Там же. Л.40об.). В то же время С.Ф.Ольденбург очень дорожил исключительной научной репутацией Щербатского. 13–14 сентября 1926 в связи со скандалом по поводу невыхода в СССР очередных томов «Bibliotheca Buddhica» он писал А.Е.Ферсману из Лондона: «Я очень боюсь, что Щербатской перестанет печататься у нас, что будет большою потерей. Здесь все жаждут печатать его вещи, которые очень ценятся во всех странах – Азии, Европы, Америки» (АРАН. Ф.544. Оп.8. Д.352. Л.34-34об.).

⁴ American Relief Administration (Американская администрация помощи) занималась организацией продовольственной и финансовой помощи европейским странам после Первой мировой войны. В 1919–1923 ею руководил будущий президент США Г.Гувер. В 1921–1923 работала в России в связи с голодом в Поволжье.

⁵ Ферингер Анна Богдановна – сестра академика А.Н.Крылова.

⁶ Возможно, Архангельский Андрей Дмитриевич (1879–1940) – геолог. Сотрудник Геологического комитета (1914–1918), профессор Московского университета (1918–1929); директор Геологического института АН СССР (1934–1939); академик АН СССР (1929).

⁷ Аппель Поль (Appel; 1855–1930) – французский математик, президент Парижской Академии наук с 1914.

⁸ В ноябре 1922 В.В.Маяковский с помощью известного театрального антрепренера С.П.Дягилева получил французскую визу и впервые попал в Париж.

3.

«Мы, русские, имеем немного друзей...»
Николай Рерих – Георгию Вернадскому

Георгий Вернадский и художник Николай Константинович Рерих (1874–1947) никогда не встречались, хотя их переписка с разной интенсивностью

продолжалась более десятка лет. Она не была регулярной и личной, а носила преимущественно специально деловой характер. В самом начале 1930-х таким делом было реформирование известного, но находившегося в бедственном материальном положении, пражского Семинария (Института) им. Н.П.Кондакова, который должен был стать «независимой»¹⁷ составной частью мистико-научно-художественной «Империи Рериха»¹⁷. Первоначально перспективы сотрудничества виделись столь многообещающими, что в течение осени 1930 Г.В.Вернадский, в то время преподаватель Йельского университета США, неоднократно эпистолярно общался с членами семьи Рерихов и представителями Рериховского музея в Нью-Йорке, однако последовавший вскоре провал всего объединительного предприятия надолго остудил и личные контакты его участников.

Следующий период эпистолярного диалога Николая Рериха и Георгия Вернадского относится уже к концу 1930-х, когда общественное положение обоих корреспондентов существенно изменилось. К этому моменту Вернадский окончательно укоренился в США, получил гражданство этой страны и больше не помышлял о возвращении в Европу. Николай Рерих, ставший в свое время известным Америке не столько как художник, сколько как эмигрант-мистик и носитель идеи мирового порядка и братства посредством искусства («Пакт Рериха»), напротив, утратил своих высокопоставленных американских покровителей и меценатов и даже был объявлен шарлатаном¹⁸. Несмотря на географическую дистанцию (Рерих в эти годы уже почти постоянно жил в Индии), общий биографический мотив «русских корней», переплавленный в историческом творчестве Вернадского и художественном опыте Рериха в идею евразийской общности, все более сближал исследователей¹⁹. После кончины Рериха Вернадский продолжал переписываться с его сыном – известным востоковедом Юрием Рерихом (1902–1960), в 1957 вернувшимся в СССР. В 1965 он был даже приглашен Институтом народов Азии АН СССР на открытие надгробного памятника Ю.Н.Рериху на Новодевичьем кладбище 17 августа 1965, однако на письме из СССР есть пометка историка: «Получено 19 августа 1965».

Публикуемые письма хранятся: VAR. George Vernadsky Coll. Box 7.

17 Подробнее см.: *Беляев С.А.* Из истории становления семинария имени академика Н.П.Кондакова // *Русская эмиграция в Европе: 20-е – 30-е годы XX века.* М.: ИВИ РАН, 1996. С.3-33; *Росов В.А.* Неудавшееся попечительство: К истории взаимоотношений Института Гималайских исследований «Урусвати» и Института им. Н.П.Кондакова в Праге // *Ариаварта: Историко-научный, литературно-философский журнал* (СПб.). 1996. Начальный выпуск. С.153-166; *Письма А.П.Калитинского в Семинарий им. Н.П.Кондакова.* Публ. В.А.Росова // Там же. 1997. №1. С.227-272; *Росов В.А.* Семинариум Кондаковичанум: Хроника реорганизации в письмах (1929–1932). СПб., 1999.

18 Подробнее см.: *Robert C. Williams.* Russian Art and American Money. 1900–1940. Cambridge: Harvard University Press, 1980.

19 См.: *Ключников С.Ю.* Философское наследие Рерихов и евразийство // Ю.Н.Рерих: Материалы юбилейной конференции. М., 1994. С.69-74. Рерих постоянно рекомендовал исторические труды Вернадского как пример истинно русской литературы (см.: *Рерих Н.К.* Письма в Америку: 1923–1947. М.: Сфера, 1998. С.405, 454, 549).

1

Naggar; Kulu, Punjab, British India
2 июля 1938

Глубокоуважаемый Георгий Владимирович,

В наши далекие Гималаи сейчас дошла Ваша прекрасная книга «Звенья русской культуры» – издание евразийцев¹. Не могу отказать себе в радости написать Вам по поводу этого истинно русского Вашего труда. Ваша книга глубоко ответила моим воззрениям на древнюю Россию. Мое университетское зачетное сочинение было «Правовое положение художников в древней Руси»². Для этой темы мне пришлось пользоваться прежде всего первоисточниками, и по ним сложилось навсегда твердое представление о том, что древняя Русь так часто была несправедливо похуляема. Эту же точку зрения я подчеркивал и в лекции моей «Радость искусству»³. Тем более приятно было найти и Вашу авторитетную аргументацию, подтверждающую ту же точку зрения. Все труды Ваши читаются нами с большой радостью и мы всегда при этом повторяем: как хорошо, что в американском университете преподаются именно эти правильно выраженные русские основы. Нередко нам приходилось, к сожалению, убеждаться, что за границую молодежь получала даже и в университетах совершенно ложное представление о России. Но истина должна быть подтверждена именно строго научным путем, как Вы и делаете. По счастью, древнерусская литература, а теперь и археологические находки, дают прекрасный материал, настолько очевидный, что лишь предубежденные слепцы не желают усмотреть правду. Помню, как при первых раскопках Хвойко⁴, отодвинувших основаа_одвинувших основ ают прекрасный материал, настолько очевидноазийской⁵, даже ближайшие наши сочлены пожимали плечами, не веря подобной древности. Также и в 1910 году, когда мы предполагали произвести раскопки Новгородского Кремля⁶, нам пренебрежительно говорили: «Ничего Вы там не найдете». А между тем, раскопка дала любопытнейшие городские наслоения разных веков

на

21 аршин глубиною. Словом, всюду, где подойдем к древней Руси без предубеждения, можно найти замечательные памятники, свидетельствующие о культуре. В будущих русских построениях Ваша или, скажу, наша точка зрения ляжет в основу дальнейших изысканий. Пароходным пакетом посылаю Вам мою книгу «Нерушимое»⁷, а также книгу Вс. Иванова⁸, друга евразийцев. Пожалуйста, передайте М.И.Ростовцеву и его супруге⁹ мой и моего сына Юрия¹⁰ искренний привет. Юрий является глубоким почитателем Ваших и М.И.Ростовцева трудов.

Искренно и душевно

Н.Рерих

¹ Книга издана в Брюсселе/Берлине в 1938 г. Ее подзаголовок: «Древняя Русь: До половины XV века».

² Параллельно с Академией художеств Н.К.Рерих учился на юридическом факультете Петербургского университета. Диплом на указанную тему был защищен им в 1898.

³ Речь идет об одной из программных статей Н.К.Рериха, в которой наиболее подробно и определенно изложены его взгляды на историю и теорию искусства как принципиально важного явления культуры человечества.

⁴ Хвойка Вячеслав Викентьевич (1850–1914) – украинский археолог, чех по происхождению. С 1876 жил в Киеве. В 1896 открыл первые местонахождения трипольской культуры. Выдвинул концепцию автохтонности славянского населения в Среднем Поднепровье.

⁵ Древнесемитское божество, богиня любви и плодородия.

⁶ Н.К.Рерих был действительным членом Императорского Русского Археологического общества и практически ежегодно брал «открытый лист» общества на проведение раскопок. Летом 1910 он работал в Новгороде, но из-за недостатка средств не закончил свои изыскания. Впоследствии на территории Новгородского кремля были сделаны выдающиеся археологические открытия, в частности, находки берестяных грамот, которые подтверждали догадки Рериха и его коллег.

⁷ Издана в Риге в 1936.

⁸ Иванов Всеволод Никанорович (1888–1971) – писатель, в эмиграции жил в Китае, в 1945 вернулся в СССР. По-видимому, упоминается кн.: *Иванов В.Н.* Рерих – художник, мыслитель. Рига, 1937.

⁹ Ростовцев Михаил Иванович (1870–1952) – выдающийся историк античности, археолог, профессор Петроградского университета; в эмиграции – профессор Йельского университета (США); его жена – Софья Михайловна (урожд. Кульчицкая; 1878–1963). Ростовцевы и Рерихи были дружны еще с петербургских времен: они вместе работали в 1917 в Особом совещании по делам искусств при комиссаре Временного правительства над бывшим Министерством двора и уделов; в 1921 Ростовцевы посетили выставку Н.К.Рериха в Чикаго, где встретились с художником. Открытка Н.К.Рериха М.И.Ростовцеву из его архивного фонда в Дьюкском университете США опубликована: Скифский роман / Под общей ред. Г.М.Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С.190.

¹⁰ Рерих Юрий Николаевич (1902–1960) – выдающийся буддолог и тибетолог. В 1922 окончил Гарвардский университет (США), участвовал в экспедициях отца в Индии, Китае, Тибете и др. (1923–1928). Руководитель Института гималайских исследований в Кулу (Индия, 1928–1942). В августе 1957 вернулся в СССР, работал в Институте востоковедения АН СССР.

2

Naggar; Kulu, Punjab, British India
3 сентября 1938

Глубокоуважаемый и дорогой Георгий Владимирович, очень рад я был получить Ваше письмо от 20 июля. Надеюсь, что книги, посланные Вам 4-го июля, дошли сохранно. Сейчас заказной бандеролью посылаю Вам новую монографию английского поэта Б.Д.Конлана¹, а также сборник². Кроме того, я просил наше общество послать Вам из Риги книгу «Зельта Грамата»³, изданную ими к моему прошлогоднему юбилею. В этой книге кроме иностранного текста имеется и несколько русских статей, в которых подчеркнута русскость моего творчества, и это обстоятельство мне особенно ценно. За эту русскость мне неоднократно приходилось выдерживать всякие темные натиски. В конце концов мы, русские, имеем немного друзей. Да и те, когда вспомнят, что мы русские и не отказываемся от нашей поистине прекрасной азийской родины, – начинают смотреть на нас особенно косо. Претерпел я это не только в Америке, но и в разных других странах, где всякую Россию боятся за потенциал ее мощи. Тем ценнее мне читать Ваши прекрасные исследования о русской культуре. Но к счастью, мы можем фактически показать, что родина наша вовсе не дика и отстала, как стараются намекнуть разные авторы, но наоборот, явится для всего мира замечательным примером строительства. При каждом строительстве бывают трудные периоды – можно сказать, хаотические периоды, но без них не заблестят новые башни и твердыни. Русские люди поймут, что их задачи не на Западе, но именно в бескрайних пределах азийских. Уже пятнадцать лет мы живем в Азии и личными прикосновениями и познаниями можем удостовериться, насколько правы все, кто понимают Россию как Азию. Для случайных туристов Азия – будет ли это Индия, Монголия, Тибет, Китай – явит один лик, но для живущих в ней долгое время проявятся иные сокровища. И как близки русскому сердцу все эти дары Востока. Язык, обычай, фольклор, все нагорния устремления, решительно все нам близко.

Вы, вероятно, читали о Русском Музее в Праге⁴. Хорошо, что и такой русский форпост утвердился. Юрий сейчас закончил свою историю народов Срединной Азии⁵ и шлет Вам свой душевный привет. Вероятно, эти строки дойдут к Вам при Вашем возвращении из Швейцарии – каждая газета полна таких сведений, что невольно вспоминается грозное пророчество Алексея Кареля⁶ о близости всеобщего сумасшествия. Тяжкие времена.

Шлю Вам мой сердечный привет – искренно Вам преданный

Н.Перих

¹ Ирландский поэт и художественный критик Барнет Д. Конлан (Conlan B.D.; ? – 1973) жил в Париже и был автором многочисленных публикаций о Н.К.Перихе, в том числе монографии: Nicholas Roerich: a Master of

Mountains. Liberty-Indiana-USA: Flamma, 1938. Другие публикации см.: Николай Константинович Рерих: Биобиблиографический указатель. М.: Международный центр Рерихов, 1999.

² По-видимому, речь идет о сборнике: Roerich Essays: One hundred essays: In 2 vol. / Coll. and arr. by V. Shibayev. India, 1936.

³ См.: Zelta gramata: In dedication to 50 years of creative activity of Nicholas Roerich & First Baltic Congress of Roerich Society, 10 October 1937. Riga: Roerich muzeja, 1938.

⁴ Имеется в виду Русский культурно-исторический музей в пригороде Праги – Збраславе, организованный бывшим секретарем Л.Н.Толстого В.Ф.Булгаковым в 1934. В предисловии к книге В.Ф.Булгакова и А.И.Юпатова «Русское искусство за рубежом» (Прага; Рига, 1938) Н.К.Рерих назвал этот музей «маяком русского искусства и науки за рубежом»; он передал музею ряд своих работ, которые составили специальный «Зал имени академика Н.К.Рериха». См.: «Мы живем и творим для будущего»: Из переписки В.Ф.Булгакова с Н.К.Рерихом (1936–1947) // Ариаварта: Запад и Восток. История исследований Центральной Азии. 1999. №3. С.220-252.

⁵ По-видимому, это высказывание несколько опережало реальные события. Как известно, Ю.Н.Рерих всю жизнь писал монографическую историю Центральной Азии, но так и не завершил ее, постоянно добавляя новые сведения. Рукопись перепечатана в Москве уже после смерти ученого.

⁶ Правильно: Каррель Алексис (1873–1945) – известный французский патофизиолог, член-корреспондент и почетный член РАН/АН СССР, лауреат Нобелевской премии (1912). Отстаивал необходимость расширения научных исследований за рамки, принятые ортодоксальной наукой; автор известной монографии «Человек неизвестный» («Man the Unknown»). В последние десятилетия жизни философ-пессимист.

4.

«Живу идеей объединения славян...» Михаил Критский – Георгию Вернадскому

Офицер штаба Добровольческого корпуса генерал-лейтенанта А.П.Кутепова Михаил Александрович Критский (4 января 1882, Москва – 30 сентября 1969, Медон)²⁰ встретился с профессором Таврического

²⁰ См.: Незабываемые могилы: Российское зарубежье: некрологи 1917–1999 / Сост. В.Н.Чуваков. Т.3. М., 2001. С.558. Сын члена Московского окружного суда, статского советника Александра Андреевича и Конкордии Васильевны Критских, потомственный дворянин, внесенный в 3-ю часть дворянской родословной книги Владимирской губернии, Критский с 1891 учился в Московской частной гимназии Л.И.Поливанова, затем с 1900 – на юридическом факультете Московского университета, где слушал лекции по истории древней философии у С.Н.Трубецкого. За участие в университетской сходке 29 января 1901 задержан в феврале 1902 и 2 месяца находился под арестом. См.: ГАРФ. Ф.102. Департамент полиции. Особый отдел (далее – ДП ОО). 1903. Д.2088).

университета Георгием Вернадским весной 1920 в Крыму. Вместе со своим гимназическим и боевым другом, также кутеповским офицером, М.А.Бакуниным²¹ свой последний пасхальный отпуск в России Критский проводил в имении «Горная Щель» на Южном берегу в обществе известных русских либералов и их семей²². Далее потомственного дворянина Критского ожидала эвакуация в Константинополь, скитание по палаточным лагерям Галлиполи, высылка с А.П.Кутеповым из Болгарии, переезд с ним же в Сербию и Париж, где Критский выполнял обязанности секретаря генерала. После гибели А.П.Кутепова в 1930, а с ним и надежд на скорую военную интервенцию в СССР, Критский переключился с подготовки будущих военных батальонов на описание их прошлого²³ и торговлю книжным антиквариатом. Другого предназначения боевому русскому офицеру уже не нашлось. Похоронен М.А.Критский в Сент-Женевьев-де-Буа.

Публикуемые письма хранятся: BAR. George Vernadsky Coll. Box 43.

1

Галлиполи,
13 мая н. ст. <1921>

Дорогой Георгий Владимирович!

Получил Ваше письмо и дал прочитать его Бакуниным¹ – они еще не уехали, хотя их записали в первую очередь кандидатами в Венгрию. Мише Алексеичу предлагают еще место химика в Болгарии, теперь дожидается только официальной телеграммы и визы. Продолжаем сидеть в Галлиполи, ждем со дня на день, что попадем в Юго-Славию; говорят, что тронемся в конце мая, но реального ничего нет. Французы только пугали, что перестанут кормить, недавно привезли консервы на 1 ½ месяца. Часто вспоминаю Нину Владимировну² и ее обеды, не побудь я у Вас месяц и не откормись, наверное, остались бы от меня одни кости – прямо видеть не могу «консервь», как у нас говорят. Живу больше чаем и хлебом, хотя сахар йок.

Окончил университет в 1904 с дипломом 2-й степени и вскоре поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который, однако, не закончил (ЦИАМ. Ф.418. Оп.314. Д.426). Пошел добровольцем на фронт в 1914, служил в 6-й Сибирской артиллерийской стрелковой бригаде в составе Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова.

21 О М.А.Бакунине см. примеч. 1 к письму 1 в наст. разделе.

22 См.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Т.2: 1920–1921 / Сост. М.Ю.Сорокина, С.Н.Киржаев и др. Киев, 1997. С.59, 63, 64, 137.

23 См.: примеч. 5 к письму 2, примеч. 2 к письму 5 в наст. разделе; см. также: *Виноградов (Н.)* <псевд.>. Взрыв в ОГПУ 6 июля 1928 г.: Памяти двух зарубежных добровольцев Георгия Родкевича и Дмитрия Мономахова // *Возрождение*. 1957. Кн. 71; Истоки добровольчества и его сущность // Там же. 1968. Кн.193-197; 200-204, 206.

Несмотря на предложение французов ехать в Совдепию или Бразилию, малодушных оказалось всего до 2000 человек. Оставшиеся как-то еще больше сплотились. Молча проглотили и воззвание французов к нашей чести с упреком, что мы дармоеды. Медленно, но верно растет ненависть к нашим бывшим союзникам.

Начальника штаба ген<ерала> Достовалова³ отчислили – проворовался. Живем по-прежнему дружно своей компанией; становится кисло на душе, когда подумаю, что Бакунины уедут.

Большое спасибо за Ваше приглашение, оно меня очень тронуло, но пока еще решил оставаться в Армии. Пока не придет приказа от Главнокомандующего⁴, что Армия распущена – буду сидеть.

Пасху встретили хорошо. Трогательно было видеть все праздничное. Построили церковь из палатки, из обломков рельс были колокола, из консервных банок паникадила. В доме у каждого куличек, несколько крашеных яиц, кое-какие закуски, в которых доминирующую роль играла та же «консервь». Барышни с детишками принарядились.

Жалко, что Вы не заехали к нам. Бывает здесь тяжело, но есть одно, что ни у кого у всех эмигрантов нет – это чувство, что мы здесь, в Галлиполи, создали какой-то кусочек Родины. Детский сад, гимназия, библиотека, народный университет, санатории, больницы. Даже открылся театр: сцена, обтянутый палаткой фундамент и стены разрушенного дома, партер в развалинах старой крепости, тут же кипарисы и минии, сзади море, а потолок – синее небо с реющими ласточками, а к концу спектакля зажигаются звездочки. Великолепные хоры.

Ну, пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку, сердечный привет Нине Владимировне.

Ваш Мих. Критский

Датируется по содержанию.

¹ Семья М.А. и С.М. Бакуниных – друзей и родственников Г.В.Вернадского. Бакунин Михаил Алексеевич (1880–1962) – друг М.А.Критского по Поливановской гимназии; дворянин Тверской губернии, владелец имения «Горная Щель» в Крыму. Учился на физико-математическом факультете Московского университета, за участие в студенческих беспорядках в январе 1901 уволен из университета, уехал во Фрейбургский университет. За границей активно общался с редактором «Освобождения» П.Б.Струве, находился под секретным наблюдением российской охраны, его письма перлюстрировались (Ф.102. ДП ОО. 1903. Д.1593). Ушел на фронт добровольцем; в 1914–1918 – уполномоченный санитарного поезда Дворянского собрания; получил отравление газами; поручик 6-й Сибирской артиллерийской стрелковой бригады в составе Юго-Западного фронта генерала А.А.Брусилова. С середины 1919 – в Добровольческой армии. После эвакуации из Галлиполи в Болгарии: в 1924 на службе в дирекции Американских практических технических курсов в

Софии; в 1927–1928 – в La Commission d’Emigration Greco-Bulgare. Затем жил в Бельгии, секретарь правления Русского Национального объединения. Занимался защитой прав русских эмигрантов, литературной деятельностью. Его жена – Бакунина Софья Марковна (Bakupina, урожд. Любошинская; 1889–1979?) – двоюродная сестра Г.В.Вернадского, дочь М.М. и А.Е.Любошинских; окончила московскую гимназию Алферовой; в 1920 жила в имении «Горная Щель» на Южном берегу Крыма (ее воспоминания об этом см.: *Вернадский В.И.* Дневники. 1917–1921. Т.2. С.133-137). После эвакуации из Галлиполи жила в Болгарии, работала в секретариате La Commission d’Emigration Greco-Bulgare (1923–1930), затем в Бельгии. Значительная часть семейного архива передана ею по предложению Г.В.Вернадского Колумбийскому университету США (Bakhtmeteff Archive). Об исторической судьбе рода Бакуниных см.: *Сысоев В.* Бакунины. Тверь: Созвездие, 2002.

² Вернадская (урожд. Ильинская) Нина Владимировна (1884–1971) – жена Г.В.Вернадского.

³ Достовалов Евгений Исаакович (1882–1938) – генерал-лейтенант; начальник штаба 1-й армии с августа 1920, затем в управлении 1-го армейского корпуса в Галлиполи; к 1922 в Греции. Вернулся в СССР, служил в РККА. Репрессирован. Публикацию его воспоминаний см. в книге: НЕТ! СИ! Константинополь – Галлиполи / Сост. С.В.Карпенко. М.: РГГУ, 2003.

⁴ Врангель Петр Николаевич, барон (1878-1928) – с марта 1920 Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России и Русской Армии.

2

19 августа 1921

Галлиполи

Штаб Корпуса генерала Кутепова

Дорогой Георгий Владимирович,

на днях только что поправился. Мы все здесь болеем москитной лихорадкой. Дня 3–4 в жару, а потом дней 10 сильная слабость, ходишь, как осенняя муха. И эта лихорадка к тому же периодически повторяется. Миша и Софья Марковна переболели уже второй раз. Я Вам писал, писала много раз и Софья Марковна, неужели Вы наши письма не получаете? Ваши я получил за исключением того, в котором были вложены 3 английских фунта. Предпоследнее с 300 драхмами и последнее с письмом из Москвы я получил. Вы не поверите, дорогой Георгий Владимирович, как Вы меня тронули Вашей заботливостью. 300 драхм я распределил, как Вы написали. Бакунины в скором времени уезжают в Болгарию; Командир Корпуса¹ Алексеича отпускает. Едут они к дядюшке², он устроился и обещает место. Миша только ждет, пока у него не заживет нога, на ней какие-то нарывы. Во всяком случае, думают выехать в этом месяце. Ромберг³ все время стремится к Вам, но только необходимо

для визы, чтобы Вы прислали ему удостоверение на греческом языке⁴, что Вы служите в таком-то учреждении, получаете такое-то содержание и что Вы приглашаете к себе Ромберга. Конечно, это удостоверение должно быть с соответствующими подписями и печатью. Только в этом случае из Галлиполи Ромберг может получить визу. Большое спасибо за Ваше приглашение и обещание устроить меня, но сейчас разорвать с Армией определенно не могу. В Галлиполи нас около 20 000 человек. Кавалерия отправилась в Сербию, остальных, вероятно, повезут в Болгарию. Наше ядро пока еще крепкое, Бог даст, останется таким и до того момента, когда понадобимся России. Я продолжаю думать, что этот момент теперь может наступить скоро и всякая организованная сила будет страшно нужна; вот почему мне и не хочется уходить из Армии, в которой я уже пробыл три года. Бывает, конечно, тяжело иногда, но зато есть и большие плюсы пребывания в Армии – верите ли – здесь в Галлиполи я не чувствую себя эмигрантом, а прежним русским офицером. Последнее время занялся литературой – и одну рукопись уже отослал в печать; другую заканчиваю. Первая – это «Русская армия в Галлиполи – сказка наших дней»⁵. Ромберг ее сейчас иллюстрирует и, может быть, удастся ее издать отдельной книжкой. Очень будет мне интересно узнать Ваш отзыв об этой сказке. Где она будет напечатана, не знаю, но, по всей вероятности, в «Зарницах»⁶. Другая – это «10 дней в Чрезвычайке» – рассказ, записанный мною со слов бывшего в этом ужасе. Готовлю еще кое-что.

Сегодня в Галлиполи встретил Лукаша⁷, он приехал из Константинополя, привез от всего общежития⁸ поклоны. На днях зайдет и подробно расскажет обо всех. При случае Вам все опишу.

Живем той же компанией – Бакунины, Родичев⁹, адъютант Командира корпуса – б<ывший> студент-технолог и брат командира корпуса. Иногда изнываем от жары. Уже месяца 2 ни одной капли дождя. Ходим купаться в море. Особенно любят это дело Сашко и Алеша¹⁰. Плавают они теперь, как хотят и в какой угодно ветер. Сашко залезает на вышку и оттуда ныряет в море. Заметьте, эта вышка построена на довольно далеком расстоянии от берега и для офицеров фехтовальной школы – очень высоко над морем, и этот маленький прыщ прыгает, как хочет. Оба учатся; Алеша всегда хорошо, а последнее время стали хвалить и Сашко, а он ведь порядочный сор-ванец; по пути ни одного греченка и турченка в покое не оставит, кому подзатыльник, а с кем и подерется. Софья Марковна

очень

ослабела, не выдержали ее силы и от лихорадки и от работы. Готовить, обстирать, обшить четверых, конечно, тяжело. Так что, как мне ни грустно, но и я советовал им ехать в Болгарию на вольные хлеба. Как бы ни скоро не пала большевистская власть, все равно

ехать туда с детьми немисливо, пускай Алексеич покормит их здесь. Когда они уедут, тоскливо будет.

Бакунины Вам кланяются. С<офья> Марк<овна> Вам писала; Ромберг сегодня от Вас получил письмо, но он в лихорадке. Левицкого¹⁰ не видел.

Поцелуйте ручки Нине Владимировне.

Крепко жму Вашу руку, еще раз большое спасибо Вам. Мне очень хотелось бы иметь возможность не на словах, а на деле показать Вам чем-нибудь свое сердечное рсположение, какое я к Вам почувствовал еще в Константинополе. Всего хорошего.

Ваш Мих. Критский

¹ Кутепов Александр Павлович (1882–1930) – генерал-майор, командир Корниловского ударного полка, 1-й пехотной дивизии. В 1920 командующий 1-й армией, с которой эвакуировался в Галлиполи. С конца 1921 жил в Болгарии. В мае 1922 выслан, поселился в Белграде. С начала 1924 – в Париже. После смерти П.Н.Врангеля возглавил Российский общевоинский союз. В 1930 похищен в Париже советскими агентами, скончался на борту советского судна на пути к Новороссийску.

² По-видимому, речь идет о двоюродном дяде С.М.Бакуниной Георгии Егоровиче Старицком (1867–1946). Родной брат матери Г.В.Вернадского, присяжный поверенный в Полтаве с 1913, кадет, в администрации А.И.Деникина – полтавский губернатор. В 1920 эмигрировал в Болгарию, работал в банке, подрабатывал художественной фотографией, сотрудничал в Народном этнографическом музее в Софии. Скончался в Болгарии.

³ Ромберг Борис Федорович (?–1935) – художник, близкий знакомый Г.В.Вернадского. В 1905 окончил школу Общества поощрения художеств; участник Восточно-туркестанских экспедиций С.Ф.Ольденбурга (1909–1910, 1914–1915). В дальнейшем жил в Полтаве, заведовал местным краеведческим музеем (1919). В Белом движении – подпоручик инженерной Дроздовского роты; затем в эмиграции (Греция, Чехословакия). Занимался иконописью. Письма Б.Ф.Ромберга Г.В.Вернадскому за 1913–1920 см.: ГАРФ. Ф.1137 (Г.В.Вернадский). Оп.1. Д.295, 412; письма более позднего периода: ВАР. G.Vernadsky Coll. Box 61, 62. Один из сыновей Б.Ф.Ромберга – Серафим (Светик) был крестником Г.В.Вернадского. Учился в русской гимназии в Праге; во время Второй мировой войны – в Американской оккупационной зоне в лагере около Касселя, затем в США. Второй сын, Сергей (? – 1992), в 1937 ушел в монастырь во Владимирово на Карпатах в Пряшевской Руси; вместе с монастырем в годы Второй мировой войны эвакуировался сначала в Братиславу, затем в Берлин. После войны в Женеве, затем в 1946 в числе братии монастыря преподобного Иова Почаевского прибыл в США; архимандрит Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (Holy-Trinity monastery, Jordanville). Третий сын, Михаил, учился в Академии художеств в Праге, жил там же. Жена Б.Ф.Ромберга – Инна Адамовна (1887–1969) жила в Мукачево, работала в приюте, затем в Ужгороде – смотрительница в музее, занималась живописью. В 1950-е Г.В.Вернадский пересылал ей письма ее сыновей из США. В

сохранившемся в Бахметевском архиве письме из Галлиполи от 28 июня 1921 Ромберг просит Г.В.Вернадского о приглашении в Афины для себя и, заодно, Николаю Петровичу Толлю, своему другу, полковнику-артиллеристу, за которого ручается, как за самого себя. Впоследствии Н.П.Толль стал мужем сестры Г.В.Вернадского (см. примеч. 32 к публикации «Скорбные дни Рождества» в наст. публ.). Судя по дневнику Г.В.Вернадского, Б.Ф.Ромберг и Н.П.Толль появились у него в Афинах около 4 сентября 1921.

⁴ В это время Г.В.Вернадский уже находился в Греции.

⁵ Под названием «Сказание о галлиполийском сидении» издана в Белграде в 1922 Обществом галлиполийцев.

⁶ Журнал, издававшийся в 1921 в Константинополе.

⁷ Лукаш Иван Созонтович (1892–1940) – журналист, писатель. Участник Белого движения. В ноябре 1920 эвакуировался из Крыма в Константинополь. Затем жил в Галлиполи, Болгарии (Тырново, София), Австрии (Вена), Чехословакии (Прага). С 1922 в Берлине, в 1925 переехал в Ригу, с 1927 в Париже.

⁸ Под «общежитием» имеется в виду так называемая «Вилла ка-де», т. к. здесь проживали многие члены кадетской партии (П.Д.Долгоруков, П.П.Юренев и др.), а также многие другие политэмигранты, упомянутые в письмах Критского, – К.И. Зайцев, И.С. Лукаш, Н.А.Цуриков; кроме того, по воспоминаниям Г.В.Вернадского, здесь неоднократно бывал В.Г.Герентьев (см. примеч. 4 к письму 8 Р.Якобсона в наст. публ., а также: *Вернадский Г.В. Из воспоминаний // Вопросы истории. 1995. №3. С.112, 119.*)

⁹ Личность не установлена. <Родичев Гавриил Дмитриевич – военный врач, подпоручик Марковской дивизии. Галлиполиец. Служил во французских колониях в Африке. Скончался 21 апреля 1930 г. в Париже>.

¹⁰ Сыновья М.А. и С.М. Бакуниных: Алексей (р. 1910) окончил русскую школу в Галлиполи и русскую гимназию в Софии. Получив стипендию, уехал в Бельгию, женился на Екатерине Владимировне Кутеповой (р. 1912). С 1937 работал в Конго как инженер-транспортник; см. о нем статью М.А.Критского: *М.К. Русские в Конго // Новое русское слово. 1960. 17 августа. Александр (Сашко) (р. 1912) окончил Софийскую русскую гимназию, затем жил в Бельгии, женат на Е.В.Калустовой.*

¹⁰ Левицкий Сергей Павлович (?–1945) – двоюродный брат жены Г.В.Вернадского, подпоручик, служил в корпусном интендантстве корпуса генерала Кутепова; после эвакуации жил в Галлиполи, Будапеште, Праге.

3

Галлиполи
24 октября <1921>

Дорогой Георгий Владимирович,

только недавно я получил Ваше письмо от 27 июня с тремя фунтами – шло оно три с лишним месяца – а вслед за ним пришло письмо и от 5 октября. На тот случай, если бы Ромберг не добрался

до Вас и вернулся бы в Галлиполи, я хранил его фунт, теперь же, конечно, сделаю, как Вы пишете. Большое Вам спасибо. Вся компания, с которой я живу, сразу ожила, и Ваши деньги оказались тем более кстати, что один из сожителей – Гаврило Родичев – женился. Женился он на сестре милосердия – Рейнбот – дочери петроградского присяжного поверенного¹. Она очень милая, знает несколько языков, но только плоха здоровьем и миниатюрная. Живут Родичевы рядом с нами в комнате Бакуниных, но, по всей вероятности, нам всем на днях придется переезжать. Живем мы в школе, а турки решили ее открывать, и то они терпели нас целый год! Думаем переселиться в пещеры около самого моря. Наш отъезд в Болгарию все задерживается. По последним сведениям, будто переедем через месяц. Мы прямо не дождемся этого момента. В Болгарии, пишут, хорошо кормят и платят побольше жалованье, а кроме того, и осточертила же галлиполийская жизнь – впервые за 7 лет мы сидим целый год неподвижно да еще в такой дыре. Как мы вообще живем, Вам Ромберг, наверное, рассказывал. Передайте ему, пожалуйста, привет. Сказку я посылаю с этим же письмом, ее кто-то в Галлиполи взялся иллюстрировать, но кто именно – не знаю и рисунков не видел. Пока она нигде не напечатана, некоторые брались за это, но, должно быть, ничего не вышло; по крайней мере, с «Зарницами»². Да и я как-то охладел к ней.

От Бакуниных получил одно письмо из Константинополя дня через 4–5 после их отъезда, а с тех пор от них ни слуху, ни духу. Очень о них мы все беспокоимся. Я им писал, но никакого ответа. Очень скучаю без них, но надеюсь, что в Болгарии с ними будем видеться.

Получил я два письма из Москвы. Плохо там и вести тяжелые. Погиб мой брат³, так я его с 1914 года и не видал.

Ну, пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку и мой сердечный привет Нине Владимировне. Буду очень рад, если напишите как-нибудь поподробнее. По приезде в Болгарию Вам тотчас напишу.

Ваш Мих. Критский

P.S. Посылаю еще письмо на имя Б.Фед.<Ромберга>.

Датируется по содержанию.

¹ Рейнбот Павел Евгеньевич (1855–?) – юрисконсульт, до марта 1917 – председатель Петроградского окружного суда.

² См. примеч. 5 к письму 2 в наст. разделе.

³ Брат М.А.Критского – Александр (1888–?); сестра – Лидия (1885–?).

8 февраля 1922 г.
Велико Тырново.
Штаб Корпуса Генерала Кутепова

Дорогой Георгий Владимирович,
первым приветствием, полученным мною на болгарской земле, было Ваше письмо из Карловцев¹. Я это счел за очень добрые ауспиции². Мы переезжали, устраивались. Живу теперь со Штабом Корпуса в В<елико> Тырново. Все части расселены по городкам и местечкам Болгарии – как будто ее оккупировали. Отношения жителей к нам прекрасные, лучшего желать нельзя. Армия сейчас отдыхает душой и телом. Исчезло то напряженное состояние, которое было в Галлиполи, – это всегдашняя возможность столкновений с французами в защиту национального достоинства. Исчезли консервы и фасоль, о, будь они неладны. И даже получаем небольшое жалованье. Мы все живем надеждой на весну и начало лета. Есть кое-какие перспективы. Во всяком случае, думаю, что этот год будет решающим. Хочется верить в хороший конец. Сам я живу идеей объединения славян. Считаю, что с самого начала союзническая и немецкая ориентация были крупнейшей нашей ошибкой. Моральную и физическую поддержку – единственно мы можем черпать только у славян. Без Великой России – погибнут славяне, с возрожденной Россией – воскреснет и окрепнет жизнь на Балканах. Идее Интернационала славяне должны противопоставить идею Всеславянства. Эта идея на Балканах живет и ждет небольшого толчка для ее кристаллизации. Русская Армия и все русские должны, по-моему, выявить эту идею и стать цементом всех славян. Мы должны готовить 2-ую Освободительную войну. Весь центр мировой политики будет перенесен с Запада на Балканы, раз только народится Великий Славянский Союз. И в формы Р<усской> Армии надо вдохнуть содержание, и русские беженцы должны почувствовать себя не бедными родственниками. Я Вам многое мог бы сказать по всему этому вопросу, и как жаль, что Вы далеко. Мне кажется, Вы во многом могли бы помочь. К воплощению этой идеи я уже делаю кое-какие шаги.

С нетерпением буду ждать от Вас вестей. Как Вы живете, как Нина Владимировна? Где и что Ромберг? Если он не оставил мысли иллюстрировать мою сказку, то не прислать ли ее в переделанном теперь несколько виде? Спросите его об этом и, пожалуйста, отпишите.

Бакунины, верно, собираются ехать в Чехию. С ними мне не удалось свидеться, но не теряю надежды.

Ну пока всего хорошего, крепко жму Вашу руку и целую ручки Нине Владимировне.

Ваш Мих. Критский

P.S. Страшно Вам благодарен за пересылку писем из Москвы. Они от моей приятельницы. Тяжело там. М.К.

¹ В Сремских Карловцах (Сербия) располагалась резиденция Высшего Русского Церковного Управления, переехавшего сюда по приглашению Сербской патриархии из Константинополя. В ноябре–декабре 1921 здесь состоялось Общецерковное заграничное собрание Управления, учредившего новую организационную структуру Русской православной церкви – Архиерейский (Карловацкий) синод, объявивший себя временным местоблюстителем Священного Синода Российской империи. Во главе Синода встал бывший киевский митрополит Антоний (в миру Храповицкий Алексей Павлович; 1863–1936).

² Ауспиции – предзнаменование, вид на будущее (*лат.*).

5

2 августа 1922

Belgrad, Kralice Natalji 94

Дорогой Георгий Владимирович,

Пишу Вам уже из Сербии, куда приехал недели три тому назад. Два с лишним месяца был в пути, причем большую часть этого времени провел в Салониках в ожидании визы в Белград. Визы я не дождался и пустился в путь без нее. Предприятие это обошлось довольно тяжело для моих ног, но в общем прошло благополучно. Из Болгарии я был «экстернирован» вместе с генералом Кутеповым. Нас отправили в Грецию на Андрианополь, так как болгары ни в коем случае не хотели нас пускать в Сербию. Что происходило в Болгарии, Вы, конечно, знаете из газет. Сейчас гонения на Армию несколько поутихли, но одиночные высылки офицеров продолжают до сих пор. Ко всему этому средства Армии истощились и большая часть ее чинов теперь вынуждена стать на работы. Но несмотря на все эти передраги, воинская организация в частях Корпуса сохраняется, и, как пишут из Болгарии, войска не падают духом. Все по-прежнему держатся своих полков, все по-прежнему верят в грядущее возрождение России и надеются, что Русская Армия будет нужна Родине. Ну, а пока что – мечи сменены на лопаты и топоры. И это не было бы грусто, если бы в будущем были бы какие-нибудь утешительные перспективы, а их-то, по правде сказать, нет. Наши «бояре думающие» дальше директивы – терпите, орлы, терпите – в своем творчестве не подвинулись ни на шаг. Армия, как была, так и остается одинокой.

Я живу с генералом Кутеповым. Живем тихо и скромно. Генерал по-прежнему спокоен и выдержан, но на душе у него тяжело. Долго ли мы с ним останемся в бездействии – сказать трудно.

Софью Марковну видел в Софии мельком и то в присутствии болгарского джентельмена, милостиво мне разрешившего к ней зайти. От нее я недавно получил известие, что Ваши родители благополучно выехали из Совдепии и сейчас уже находятся в Париже¹. От всей души порадовался за них и за Вас. Будете писать им – пошлите мой сердечный привет.

Есть у меня к Вам и просьба. Сидя в Болгарии, я обработал кое-какие оставшиеся у меня материалы и написал: «Красная Армия на Южном фронте в 1918–1921 гг. (по секретным приказам и документам, захваченным в боях 1 Корпусом Добровольческой Армии)»². Эту рукопись И.С.Лукаш послал в «Русскую Мысль» – Зайцеву³. Если Вас не затруднит, узнайте, пожалуйста, от него или у Струве⁴, получена ли моя рукопись и принята ли она в журнал. Если нет, то нельзя ли ее мне прислать обратно, т.к. я тогда ее отправлю в «Архив Русской революции»⁵. Рукопись эта послана месяца 2 1/2 тому назад, как раз накануне моего отъезда из Тырнова, так что не в курсе возможно присланного ответа Лукашу. Лукаш же, как я слышал, уехал в Варну справлять свою свадьбу, а оттуда думает ехать в Берлин, и с ним я поэтому до сих пор не могу списаться. Крайне меня обяжете, если не задержитесь ответом по этому делу.

Что же касается славянских идей, то несмотря на все тяжелые неприятности со стороны братушек, все-таки стою на прежней платформе – ориентация России может быть только на славян. Но место болгарам я все-таки придумал – это при случае высылать их из России через Японию.

Поцелуйте ручки Нины Владимировны и передайте мой привет Ромбергу.

Всего хорошего. Крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих. Критский

¹ В.И. и Н.Е. Вернадские находились в Париже в 1922–1925 в научной командировке от Российской Академии Наук.

² Издана в 18-м томе «Архива русской революции» (Берлин, 1926); репринт: М., 1993.

³ Кирилл Осипович (Иосифович) Зайцев (архимандрит Константин; 1887–1975) – экономист, историк, литературовед, богослов. В Крыму член комиссии по аграрной реформе правительства П.Н.Врангеля. В эмиграции с 1920 – приват-доцент, затем профессор Русского юридического факультета в Праге и Педагогического института в Харбине; в 1936–1938 профессор политэкономии в Харбине. В 1949 принял монашество. Профессор

пастырского богословия и русской литературы в Свято-Троицкой духовной семинарии в Джорданвилле.

⁴ Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – экономист, философ, публицист. Член ЦК кадетской партии. Редактор журнала «Русская мысль», издававшегося в эти годы в Праге – Берлине.

⁵ Многотомное издание, публиковавшееся И.В.Гессеном в Берлине в 1921–1937.

6

16 августа 1922

ул. Кралице Наталји 94

Управление Российского Военного Агента, Белград

Дорогой Георгий Владимирович,

снова обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой: посылаю Вам свой последний экземпляр – «Красная Армия на Южном фронте в 1918–1921 гг.», передайте ее, пожалуйста, Струве или Зайцеву, попросите ее прочесть и сообщите мне через Вас или самим, будет ли моя работа принята в «Русскую Мысль», и если да, то когда приблизительно ее могут напечатать. Если почему-либо моя рукопись для журнала окажется неподходящей, то будьте благодетелем до конца – отправьте ее, не задерживая, в «Архив Русской Революции» с препроводительным письмом. От Вас это будет скорее, а кроме того, я лично никого не знаю из этого журнала. Ужасно обидно, что моя рукопись затерялась в редакции «Русской Мысли», а кроме того, пропало зря два месяца. Мне хотелось сначала мою работу пропустить через журнал, а уже потом издать ее отдельной брошюрой, как мне это предлагают.

Сам я лично ничего не пишу Зайцеву, потому что у него, очевидно, нет привычки отвечать на письма – я недели 2–3 тому назад запрашивал его о судьбе рукописи, но до сих пор не получил ответа. Не ответил он и Лукашу, который послал ему с моей рукописью препроводительное письмо.

Тороплюсь я с напечатанием моей работы потому, что по-моему, кроме исторического интереса, она отвечает до некоторой степени и на злободневный вопрос – действительно ли красная армия могуча и страшна.

От Бакуниных целый месяц ни слуху, ни духу. Начинаю очень беспокоиться. Не знаете ли Вы что-нибудь про это святое семейство. Не расхворались ли они?

Из Болгарии по-прежнему неутешительные вести.

Приветствуйте Нину Владимировну, а Вашей сестре я сегодня пишу тоже.

При случае, будете писать, поклонитесь Ромбергу и, пожалуйста, пришлите мне его адрес.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих. Критский

7

1 октября 1922
ul. Kralice Natalji 94
Legation Russe Belgrad

Дорогой Георгий Владимирович,

большое вам спасибо за все Ваши хлопоты с моей рукописью. Жду теперь решения, примут ли ее, и если да, то в какой журнал.

Живу без перемен. У нас начались дожди. Холодно, грязно и тоскливо. Все близкие остались в Болгарии, а оттуда продолжают идти тяжелые вести. Кадры Русской Армии постепенно тают. Бедные юнкера через несколько дней после выпуска и производства в офицеры отправляются в рудники на работы. Болгары грубы и жестоки, работа тяжелая.

До сих пор не могу помириться с мыслью, что такая национальная сила, как 1-ый Корпус, может в конце концов погибнуть и особенно в настоящее время, когда на горизонте снова грозные тучи. Рано или поздно, но Европа столкнется с Совдепией, а наши «бояре думающие» или спорят или же размышляют, но дела никакого не делают. Что мы будем предпринимать в случае войны – никто не знает. Поступать в ландскнехты немислимо, оставаться пассивным зрителем будет невозможно. Единственный выход, по моему, – создавать национальное правительство в противовес III Интернационалу, но и тут тысячи разногласий.

Что это Вы делали в Карпатской Руси? Наверное, там много любопытного. Буду очень рад, если поделитесь впечатлениями.

Пожалуйста, поблагодарите Нину Владимировну за ее письмо, хоть и грустно было его читать, но все-таки вести о родной стороне. Большое ей спасибо и за то, что она написала Любоцинским¹ о том, что виза для В.А.Карцевой² послана в Эстонское посольство. Только, к сожалению, пока нет никаких вестей из Москвы.

Передайте, пожалуйста, мой сердечный привет обеим Нинам Владимировнам³ и крепко жму Вашу руку.

Всего хорошего. Пишу Вам на Прагу, думаю, что Вы уже вернулись из Берлина. Что это вдруг Вас стало носить из одной страны в другую? Не вздумали ли Вы заниматься политикой?

Ваш Мих. Критский

P.S. Как Ваш адрес, а то я запутался.

¹ Родители С.М.Бакуниной – Любоцинские Анна Егоровна (1865–1930) и Марк Маркович (1864–1952). Любоцинским-старшим принадлежали в

Москве два дома (Зубовский бульвар, 15), в одном из которых в течение многих лет жили Шаховские, Кокошкины, Бакунины, Новгородцевы, Булгаковы, Старицкие и другие друзья и родственники хозяев. М.М.Любощинский с 1931 жил в Чехословакии у сына Марка, затем, с 1939 – в Болгарии у сына Павла, где и скончался. Прах захоронен на Введенском кладбище в Москве. Анна Егоровна до своей кончины в 1930 проживала в Москве на Зубовском.

² Будущая жена Критского – Вера Алексеевна Карцева.

³ Т. е. жене и сестре Г.В.Вернадского.

8

3 ноября 1922

ул. Кралице Наталји 94

Управление Российского Военного Агента, Белград

Дорогой Георгий Владимирович,

одновременно посылаю Вам заказной бандеролью 2 экземпляра «Сказания о галлиполийском сидении», один прошу Вас принять на добрую память от всего сердца, а другой экземпляр, если это Вас не особенно затруднит, занести в какой-нибудь книжный русский магазин и предложить его как образец на комиссию. Цена экземпляра вместе с пересылкой 10 динар, на Вашу валюту 5 крон. У Вас в Праге много галлиполийцев, и у меня поэтому есть надежда, что небольшое количество всегда может разойтись. Если исполните мою просьбу, пожалуйста, напишите, сколько послать экземпляров и будут ли комиссионные в этой цене или же вне ее, т. к. я не представляю себе, дорога ли будет моя брошюра в Праге. Здесь в Белграде цена ей несколько высока, очень дорого обошлась бумага и клише.

Затем другое дело – это по поводу статьи о Красной Армии, – наверное, уже выяснилось, примет ли ее Струве; если нет, пожалуйста, пошлите ее в Берлин Лукашу – его адрес: Herrn Iwan Lukasch, Pfalzbürgerstrasse 8 bei Irrgang Berlin W 15. Лукаш мне обещает ее поместить в «Архив».

Простите, дорогой Георгий Владимирович, что я все время затрудняю Вас своими делами, так бы хотелось быть в свою очередь когда-нибудь Вам полезным.

Живу по-прежнему. Недавно из Парижа приехал мой Генерал, поездкой остался доволен, как будто намечается какой-то просвет в нашей жизни, но прямо боишься теперь чему-нибудь верить хорошему.

Софья Марковна работает, Миша без места и пасет детей. Возможно, что скоро к Вам подъедут Родичевы. Они приняты в Пражский университет, достают теперь деньги на проезд.

С нетерпением буду ждать конца Вашей работы о масонах¹, т. к. для меня это племя совершенно загадочное.

Пожалуйста, поблагодарите обеих Нин Владимировен за память и передайте мой сердечный привет.

Всего хорошего, крепко жму Вашу руку.

Ваш Мих.Критский

¹ Имеется в виду продолжение работы: *Вернадский Г.В.* Русское масонство при Екатерине II. Пг., 1917.

9

31 марта 1948 <Париж>
80, rue Alexandre Guilmant
Bellevue (S. et D.)

Дорогой Георгий Владимирович,

Ваш адрес я получил через моего знакомого проф. Б.Ижболдина¹, с матерью которого я живу в одном доме в предместьи Парижа. Давно собирался Вам написать, да все откладывал...

Нисколько не будет удивительно, если Вы совсем запамятовали, кто и что я. Слишком много воды утекло с тех пор, как мы с Вами познакомились. Напомню о себе – с Вами впервые встретился в Константинополе², жил у Вас в общежитии недели две, а потом вернулся в Галлиполи. Помню до сих пор Вашу трогательную заботу обо мне и о семье Михаила Алексеевича Бакунина, моего приятеля еще по Поливановской гимназии. Вы тогда прислали нам в Галлиполи сколько-то денег на пропитание и на покупку примуса. Звали меня потом в Грецию, где обещались устроить меня учителем русского языка. Наконец, через Вас нашла меня моя теперешняя жена, а тогда еще невеста Вера Карцева.

После Галлиполи жил в Болгарии. Вместе с Кутеповым оттуда был выслан Стамболийским³. Жил в Югославии, откуда переехал в Париж, где все время работал с Кутеповым. Изучал положение сельского хозяйства в СССР, писал об этом, делал доклады. Во время войны, когда потерял все возможности работать в журналах (преимущественно иностранных), стал заниматься книгами и теперь развил это дело. Занимаюсь главным образом русским антиквариатом. Попадаются редчайшие книги по всем отраслям, в том числе и исторические книги.

Так вот, я и подумал, не нуждаетесь ли Вы сами или университет, в котором Вы читаете лекции, в русских книгах. У меня много покупателей в Нью-Йорке. И если да, не хотите ли использовать мои возможности. Вы будете мне присылать списки нужных Вам книг, я их буду разыскивать, а в свою очередь буду присылать Вам списки книг, имеющихся в моем распоряжении. Могу доставать и советские издания. Если цены на книги Вы будете находить высокими, предлагайте свои. При хороших заказах всегда возможна скидка.

По получении от меня почтою книг (до Нью-Йорка книга идет 3–4 недели) Вы будете со мною рассчитываться или посылками или небольшими купюрами в 10–20 долларов, вкладываемыми просто в конверт с письмом или же переводом денег лицу, живущему в Нью-Йорке, и адрес которого я Вам сообщу.

Если Вас мое предложение устраивает, сообщите мне. Но и вообще буду очень рад получить от Вас весточку. Надеюсь, Вы и Ваша жена здоровы и благополучны.

Про общих знакомых могу Вам сообщить: Бакунин со своими двумя сыновьями живет в Бельгии, оба сына женились. Старший – Алеша служит в Бельгийском Конго начальником тяги железной дороги. Этой зимой приезжал ко мне со своей женой. Софья Марковна только недавно переехала из Болгарии в Бельгию. Семейная жизнь Бакуниных сложилась неудачно.

К.И.Зайцев перед войной женился и вскоре уехал в Харбин. Сейчас он в Шанхае, где похоронил свою жену и стал священником.

Н.А.Цуриков⁴ в лагере около Мюнхена. Конечно, живется ему несладко.

О москвичах сведений мало и большей частью неутешительные.

Ну вот, пока довольно.

Всего доброго. Мой сердечный привет Вашей жене.

Жму Вашу руку

Искренно Ваш М.Критский (Михаил Александрович)

¹ Ижболдин Борис Сергеевич (1899–1970-е) – юрист и экономист, публицист. Доктор политэкономии Берлинского университета.

² Ошибка памяти: первое знакомство произошло в Крыму (см. предисловие к этой публикации).

³ Стамболийский Александр Стоименов (1879–1923) – председатель однопартийного правительства Болгарского земледельческого народного союза (1920–1923), сторонник сближения с Советской Россией. Убит в ходе государственного переворота.

⁴ Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – публицист, монархист, друг детства младших Вернадских. Вступил добровольцем в офицерскую роту 2-го Дроздовского полка; в феврале 1920 из-за болезни эвакуирован в Новороссийск, затем перевезен в Крым. Здесь стал секретарем начальника

Отдела печати врангелевской администрации – Г.В.Вернадского. С врангелевцами эвакуировался в Константинополь, работал на книжном складе. В Праге с 1923, слушатель Педагогического института, и. о. помощника секретаря Пражского отдела Русского Национального Союза. Печатался во многих эмигрантских газетах и журналах, один из редакторов еженедельной газеты «Россия и славянство» (Париж).

10

19 июня 1954

<Париж>

Дорогой Георгий Владимирович,

11-го июня послал Вам два тома «Истории СССР IX–XV вв.» в двух пакетах, в двух потому, что оба вместе превышают положенный вес.

Эти тома я получил случайно, т. к. необходимо было подписаться предварительно, а теперь подписка уже не принимается, но во всяком случае, постараюсь Вам получить и последующие тома, но не взыщите, если не удастся.

Посланные книги стоили: 10,75 плюс почтовые расходы 1,90, всего же 12,65.

Считаю за Вами: за Бичурина¹ – 2,65; за Якубинского² и «Древняя Русь» – 2,80; за «Краткие сообщения» №50 – 1,70 и за «Историю СССР» – 12,65. Итого будет: 19,80.

Если Вас не затруднит, то при случае эти деньги перешлите по следующему адресу: Mr. Y. Butenko 530 West 136 Str, Apt. 46. New York 31, NY.

Надеюсь, что таможня не задержит «Историю СССР», а то последнее время только и слышишь жалобы: то изданные книги в СССР конфискуют, то задерживают месяцами, а бывает и на год. Задерживают даже рукописи, отправленные в Чеховское Издательство. Я не мог себе представить, что таможня является цензурой Чеховского Издательства, а вместе с тем это факт. Задержана рукопись, уже принятая издательством и обещавшая выслать аванс, рукопись А.Н.Бенуа³. Задержана рукопись М.А.Осоргина⁴, посланная в издательство его вдовой⁵. Лежат в таможне уже много месяцев. И наконец, я сам видел официальное уведомление, что «Хижина Дяди Тома» Бичер Стоу, переведенная на русский язык и напечатанная в СССР, – конфискована. А сочинения Ленина проходят. У меня, например, много месяцев лежало в таможне напрестольное Евангелие. Что у Вас в Нью-Йорке, служащие на таможне не из сумасшедшего дома?

Задерживают книги, выписываемые университетами. Значит, есть цензура и на университеты? Статую Свободы, по-моему, из гавани

надо удалить. Одновременно с этим только и читаешь, что все атомные секреты давным-давно куплены СССР. Вместо коня бьют по оглоблям...

От всей души желаю Вам поправиться и как следует отдохнуть. Занимаетесь ли у себя на даче садоводством или огородничеством. Это дело я люблю и отдыхаю на своих грядках.

Искренний привет Вашей жене и крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш

М.Критский

¹ Имеется в виду подготовленное выдающимся русским синологом Н.Я.Бичуриным (1777–1853; в монашестве Иоакимф) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (Т.1-3. М.; Л., 1950–1953).

² Якубинский Лев Петрович (1892–1945) – лингвист. По-видимому, имеется в виду вышедшая в 1953 его «История древнерусского языка».

³ Бенуа Александр Николаевич (1870–1960) – известный искусствовед. По-видимому, речь шла о его книге «Жизнь художника» (Нью-Йорк, 1955).

⁴ Осоргин Михаил Андреевич (1878–1942) – писатель.

⁵ Татьяна Алексеевна Бакунина-Осоргина (1904–1995).

11

21 февраля 1956

<Париж>

Дорогой Георгий Владимирович,
давно от Вас не имел никаких вестей. Все ли у Вас благополучно?
Как здоровье?

Мы помаленьку скрипим. Только труднее становится работать, а впереди мрачные перспективы: обеспечения при наступившей старости – никакого.

Вы, наверное, уже знаете, что Софья Марковна получила от сестры письмо из Москвы¹. Помимо нее многие мои знакомые тоже получили письма от своих родных, и что всего удивительнее, в двух случаях с просьбами прислать визы во Францию: хотят повидаться... Визы посланы.

Вернулся еще сюда один казак, в свое время уехавший в Германию, чтобы драться с большевиками. Во время немецкого краха перебросился в Италию, но здесь был выдан большевикам американцами, сослан на далекий Север, выжил, а теперь его выпустили как французского подданного (французы его покрыли). Мне говорили, что рассказывал много интересного, но я его не слышал, он живет за Парижем. Когда буду в тех краях, хочу его повидать.

Две просьбы к Вам:

1) Чтобы не тратиться на излишние марки, прилагаю для Вашего университета два списка. Надеюсь, что найдут что-либо подходящее. Эти списки, пожалуйста, передайте по назначению.

2) Если Вы помните, сообщите, в скольких экземплярах было выпущено литографированное издание Вашего труда: «Государственная Уставная грамота», Прага, 1925 г. Буду очень благодарен за эту справку.

Мой искренний привет Вашей жене и крепко жму Вашу руку.

Искренно Ваш

М.Критский

¹ В Москве у С.М.Бакуниной оставались две сестры: Мария (по мужу Фокина; 1894–1988) и Наталья (по мужу Мостовая; 1901–?).

5

«В СССР создан и создается новый строй жизни»
Николай Трубецкой – Георгию Вернадскому

Николай Сергеевич Трубецкой (1890–1938) – выдающийся лингвист, философ, один из инициаторов и идеологов евразийства, и Георгий Вернадский были знакомы с детства – оба принадлежали к семьям московской интеллектуальной элиты и окончили одну и ту же 5-ю московскую гимназию А.В.Адольфа на Поварской. Их отцы преподавали в Московском университете, переписывались²⁴ и дружили настолько тесно, что Трубецкой-старший неоднократно просил Вернадского-старшего найти учителей для своих детей. Так на страницах одного из писем 1904 появляется Николай – по словам его отца, «чрезвычайно развитый и вдумчивый. Он интересуется решительно всем, и если около него будет человек с живым умственным интересом, то он сойдется с ним и будет ему признателен за все, что тот ему даст»²⁵. Другая любопытная запись в дневнике В.И.Вернадского о Николае Трубецком относится уже к 1910: «...пытался идти по следам отца, но не смог выдержать философии и перешел на историю литературы»²⁶. И, наконец, еще одна характеристика младшего Трубецкого в записях Вернадского-старшего: «Николай Сергеевич Трубецкой – филолог, сперва изучал языки Кавказа с проф<ессором>

24 Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905) – философ и первый выборный ректор Московского университета (1905). Переписку В.И.Вернадского с С.Н.Трубецким см.: АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1656; ГАРФ. Ф.1093. Оп.1. Д.85.

25 Письмо С.Н.Трубецкого В.И.Вернадскому от 18 февраля 1904 из Дрездена. – АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.1656. Л.1

26 Там же. Оп.2. Д.8. Л.6.

Миллером²⁷, после Ягича²⁸ занял кафедру его в Венском университете. Он является творцом идеи Евразии, которой одно время в его смысле увлекся и мой Георгий²⁹.

О непосредственных контактах Николая Трубецкого и Георгия Вернадского в 1920-е – 1930-е известно крайне мало. С 1920 Н.Трубецкой преподавал в Софии, затем, с конца 1922 и до своей кончины, – в Вене; Г.Вернадский с августа 1927 жил в США. Несомненно, они встречались в середине 1920-х в Праге на заседаниях Семинария им. Кондакова; возможно, больше их жизненные пути не пересекались. Что же касается траектории научной мысли обоих ученых, предпочитавших «академическое евразийство» политическому, они постоянно находили друг друга, стимулируя и развивая напряженный историкофилософский диалог.

Однако была еще одна небезинтересная точка пересечения Н.Трубецкого и отца и сына Вернадских, о которой, они, видимо, даже не подозревали. В 1933–1934 секретно-политический отдел ОГПУ сфабриковал дело «Российской национальной партии» (РНП), или «Дело славистов» – с точки зрения чекистов, контрреволюционной национал-фашистской организации, созданной по «указаниям» русского фашистского центра во главе с князем Николаем Трубецким и Романом Якобсоном и др. Если Георгий Вернадский только неоднократно упоминался в этом деле как «видный деятель евразийского движения за кордоном не поняла³⁰», то его отец был объявлен членом «политического центра РНП» под номером 3³⁰. К счастью, для академика это не имело никаких последствий.

Публикуемые письма хранятся: ВАР. George Vernadsky Coll. Box 10.

1

25 октября 1928

Дорогой Георгий Владимирович!

П.Н.Савицкий¹ прочел мне то место из Вашего письма к нему², в котором Вы говорите о моей статье в ответ Дорошенке в Хронике №X³. Мне очень неприятно, что мои слова причинили Вам огорчения. Но уверяю Вас, что это совершенное недоразумение. Никакого желания чем-либо опорочить Владимира Ивановича <Вернадского> у меня никогда не было и быть не могло. Не только потому, что он Ваш отец, но и потому, что он был другом моего отца и что я с детства привык его уважать. Перечитайте внимательно то место моей статьи, которое Вас смутило, и Вы увидите, что Ваше

27 Миллер Всеволод Федорович (1848–1913) – санскритолог, иранист, кавказовед, профессор Московского университета.

28 Ягич Игнатий Викентьевич (1838–1923) – филолог, славист. Профессор Петербургского университета.

29 Запись 6 ноября 1944 – АРАН. Ф.518. Оп.2. Д.8. Л.6об.

30 См.: Ашин Ф.Д., Аллатов В.М. «Дело славистов»: 30-е годы. М.: Наследие, 1994. Интересно, что в этом деле фигурируют французский славист А.Мазон, названный «французским политическим агентом», и немецкий турколог Карл Менгес (см. о них ниже в публикации писем Р.Якобсона).

первое впечатление было основано на чистом недоразумении. Разделение ученых-украинофилов на две группы принадлежит не мне, а Дорошенке. Мои возражения Дорошенке в данном месте сводятся к тому, что Дорошенко стремится представить всех этих ученых как сепаратистов, которые из двух возможных культур «верхнего этажа» (русской и украинской) выбрали украинскую, я же указываю на то, что это не так, что на самом деле все эти ученые утверждали и утверждают единство русской культуры, вполне совмещая это единство с признанием своеобразия украинского проявления русской культуры. В вопросе об основании Украинской Академии наук для меня, конечно, ясно, что и Владимир Иванович и другие упомянутые в моей статье ученые преследовали цель создать на территории оккупированной немцами и подверженной немецкому влиянию Украины прочную цитадель русской духовной культуры, причем, по условиям момента они не могли поступить иначе, как подчеркивая специфически украинский характер Академии и замалчивая ее общерусское значение⁴. Но говорить об этом в своей статье я считал невозможным прежде всего потому, что это вовлекло бы меня в характеристику политической обстановки гетманщины, – чего я старался во что бы то ни стало избежать, дабы сохранить всю дискуссию в чисто культурной, а не политической сфере. Ведь Вы понимаете, что Дорошенко как гетмановец⁵, отрицает немецкое влияние в эпоху гетмановщины (да и не может не отрицать его, ибо фактически ведь и до сих пор все это движение субсидируется немцами), и представляет дело так, будто гетманщина была эпохой свободного самоопределения Украины. Перечитывая еще раз соответствующие места своей статьи, я, право, не вижу в них ничего обидного ни для Вашего батюшки, ни для Косинского⁶, Тарановского⁷ и Зеньковского⁸. Все, что там о них сказано, сводится к тому, что они не сепаратисты, что они чувствуют себя прежде всего общеруссами, а только во вторую очередь украинцами (точнее – что они сознают себя как украинскую разновидность общерусского племени), и что там, где можно было действительно вполне свободно «оптирывать», они оптировали за общерусскую духовную культуру.

Надеюсь, дорогой Георгий Владимирович, что это письмо рассеет недоразумение, возникшее между нами совершенно помимо моей воли. Сердечно обнимаю Вас

Искренно Вас уважающий кн<язь> Н.С.Трубецкой

¹ Савицкий (псевд. Востоков) Петр Николаевич (1895–1968) – евразиец-экономист, социолог, географ, культуролог. Участник Белого движения. После эмиграции в Болгарию – технический редактор журнала «Русская мысль». В 1921 вместе с Н.С.Трубецким возглавил евразийское движение,

переехал в Прагу. На протяжении 10 лет редактировал евразийские издания, выступая в них по вопросам геополитики и экономики. Обширную переписку Савицкого и Вернадского см.: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 8-10. Некролог Савицкого, написанный Г.В.Вернадским, см.: Новый журнал. 1968. Кн.92. Подробнее о его судьбе см. примеч. 3 к письму 4 Р.Якобсона в наст. публ.

² В это время Г.В.Вернадский уже преподавал в Йельском университете.

³ Статья «Ответ Д.И.Дорошенко» (см.: Евразийская хроника (Париж). 1928. Вып.10. С.51-59), как следует из ее названия, явилась реакцией Н.С.Трубецкого на выступление известного украинского историка и общественного деятеля, директора Украинского научного института в Берлине (1926–1931) Дмитрия Ивановича Дорошенко (1852–1951) по поводу ранее опубликованной работы Трубецкого «К украинской проблеме» (см.: Евразийский временник. 1927. Кн.5. С.165-184). В «ответе Дорошенко» в связи с вопросом об основании в 1918 Украинской Академии наук (УАН) Трубецкой упомянул имя отца Г.В.Вернадского, академика В.И.Вернадского, первого президента УАН, как одного из представителей великорусской культуры. Новое издание всех упомянутых текстов см.: *Трубецкой Н.С.* История. Культура. Язык / Сост., подг. текста и коммент. В.М.Живова. М.: Изд. группа «Прогресс» «Универс», 1995. С.362-405.

⁴ О многолетних связях В.И.Вернадского с Украиной см. известную монографию: *Сытник К.М., Стойко С.М., Апанович Е.М.* В.И.Вернадский: Жизнь и деятельность на Украине. Киев: Наукова думка, 1984; новое осмысление этой темы см.: *Гирич И.* Між російським і українським берегами. Володимир Вернадський і національне питання (у світлі щоденника 1917–1921 років) // *Marra Mundi*: Зб. наук. праць на пошану Я.Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів; Київ; Нью-Йорк, 1996. С.735-756. О внутренней перекличке историософских концепций Н.С.Трубецкого и В.И.Вернадского в связи с возможностями геополитического решения «украинского вопроса» см.: *Сорокина М.Ю.* Россия и Украина в научном наследии В.И.Вернадского: Исторические судьбы славянства // Научное наследие В.И.Вернадского в контексте глобальных проблем цивилизации. М.: Изд. дом «Ноосфера», 2001. С.118-131; письма В.И.Вернадского детям середины 1920-х, объединенные «украинской темой» см.: «За СССР выявляется лик истрадавшей России...»: Письма В.И.Вернадского детям / Публ. М.Ю.Сорокиной // *Природа*. 2004. №1. С.64-80.

⁵ Д.И.Дорошенко в мае – ноябре 1918 был министром иностранных дел в правительстве гетмана П.П.Скоропадского.

⁶ Косинский Владимир Андреевич (1866–1923) – политэконом, профессор Киевского Политехнического института, член Центральной Рады от партии кадетов, академик УАН (1918). Министр труда в правительстве гетмана П.П.Скоропадского. В 1922 избран профессором Русского юридического факультета и Русского народного университета в Праге, затем жил в Варшаве.

⁷ Тарановский Федор Васильевич (1874–1936) – историк права, профессор Варшавского, Дерптского, Екатеринославского, Таврического университетов. Академик УАН (1918). В эмиграции профессор Русского научного университета в Белграде.

⁸ Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) – философ, педагог, профессор Университета св. Владимира в Киеве, министр вероисповеданий гетмановского правительства. В эмиграции основал Русский педагогический институт, декан Парижского Богословского института.

2

28 июня 1930

Дорогой Георгий Владимирович!

Накопилось несколько вопросов, по которым я давно уже собираюсь Вам писать, но все никак не могу раскататься.

Первый вопрос – следующий. Обсуждая положение Церкви в СССР, мы с П.Н.Савицким пришли к следующему выводу. Преследования Церкви способны всякого повергнуть в ужас. Но мы должны верить, что «врата адава не одолеют ю»¹, и что в конце концов Церковь все-таки устоит. Мы не в состоянии оказать Церкви деятельную помощь в данный исторический момент, хотя сознаем, что главной насущной потребностью *сегодняшнего дня*² была бы именно помощь против преследования. Однако, кроме этой насущной и, так сказать, «злободневной» потребности, есть и другие потребности, в которых мы, может быть, могли бы оказать некоторую помощь. Ведь, если Церковь, – на что мы твердо уповаем, – устоит против преследований и спасет свое физическое существование, то все же обстановка, в которой ей придется существовать, настолько не похожа на ту, в которой Она существовала веками, что это ставит перед Ней ряд чрезвычайно важных проблем. Церковь в социальном государстве, Церковь при совершенно новом социальном строе, – вот проблема, одновременно и практическая и теоретическая. Между тем, эта чрезвычайно важная проблема до сих пор теоретически совершенно не разработана. Писали о христианстве и социализме с точки зрения философской, устанавливая отношение христианского учения к социалистическим теориям. Но совершенно не касались социалистических (или лучше социальных) форм жизни как факта. А между тем, ведь этот факт теперь, можно сказать, налицо. В СССР создан и создается новый строй жизни, который, может быть, и не совпадает с тем, что рисовали себе социалисты-теоретики, но все же коренным образом отличается от всего, доселе существовавшего. Доведение до минимума имущественных различий, значительное (пусть не полное!) огосударствление промышленности и торговли, плановое хозяйство и проистекающие из всего этого особые формы общественной жизни – все это прежде всего факты. И даже когда власть марксистов-коммунистов кончится, все эти факты или их

последствия сохраняются. И вот это-то и ставит перед Церковью чрезвычайно важные задачи. Разобраться во всех этих вопросах необходимо. Между тем, в СССР никакая теоретическая работа церковнонастроенных людей немыслима. Что же касается до церковнонастроенных мыслителей, ученых и публицистов в эмиграции, то до сих пор они проходили мимо всего этого, предпочитая прятать голову под крыло подобно страусу. Одни занимаются только общими вопросами богословия, не имеющими никакого отношения к проблемам, выдвинутым жизнью, другие сосредоточились на обличении преследования Церкви, работая на какую-то (по-моему, иллюзорную) духовную интервенцию, третьи, размышляя о будущем, рассказывают сами себе сказки, исходя из фантастического предположения, что «когда большевики падут», все вернется к старому. Вот П.Н.Савицкий и находит, что у всякого православного интеллигента, осознавшего важность вышеупомянутых проблем, есть долг – помочь их разрешению или хотя бы плодотворному обсуждению. С этой целью Петр Николаевич предлагает выпустить сборник статей, посвященный проблеме «Церковь и социальный строй»³. Сборник этот по типу должен приближаться к «России и латинству»⁴, т.е. не должен носить характера партийного, в частности, не должен иметь марки евразийства, дабы можно было привлечь к нему и сторонних авторов (предполагается, например, переговорить с Бердяевым⁵). Мы наметили ряд тем: очерк постановки этого вопроса у инославных, в англосаксонских странах (Клепинин⁶), у католиков и протестантов (Чижевский⁷), в русской философской литературе (Ильин⁸); Церковь и плановое хозяйство (Савицкий); социальные проблемы в древней русской Церкви (Алексеев⁹). Вас мы хотели просить заняться темой социальной деятельности Церкви в Византии. Задачей сборника является, конечно, не разрешение всех этих вопросов, а постановка проблемы и привлечение внимания к ним церковномыслящих русских. Срок для статей мы установили сентябрь, в крайнем случае, октябрь текущего года. Очень просим Вас поскорее ответить, сочувствуете ли Вы этой идее, а если сочувствуете, то постараться изготовить статью к названному сроку.

Второй пункт – следующий. Участвуя в академической жизни немецких университетов, я вижу, что в настоящее время так называемая «история восточной Европы» и византология переживают персональный кризис: соответствующих ученых почти нет, а спрос на них имеется. Когда в Пражском немецком университете возник план учреждения кафедры восточноевропейской истории, то оказалось, что все свободные немецкие кандидаты Германии, Австрии и Чехословакии совершенно не удовлетворяют серьезным научным требованиям, и

план пришлось отложить. Та же история может повториться и в некоторых других немецких университетах, даже крупных. Ведь и сейчас некоторые университеты довольствуются, выражаясь театральным языком, «дублюрами»: например, в Лейпциге кафедру восточноевропейской истории получил Браун¹⁰, по специальности германист, имеющий отношение к «восточной Европе» только потому, что был прежде профессором (германской филологии) в Петербурге и писал о разных вопросах германской филологии, связанных с «восточной Европой» (например, о крымских готах¹¹). В то же время у немцев (по крайней мере, у некоторых) существует тенденция использовать силы русских ученых-эмигрантов, – конечно, при условии, чтобы эти ученые владели немецким языком и не были заядлыми германофобами. Вот у меня и явилась мысль направить Ваше внимание в эту сторону. Я думаю, что если Вы дадите несколько работ на немецком языке¹², Вы можете надеяться на место в каком-нибудь немецком университете. Во всяком случае, мне кажется, что это – единственная реальная возможность. Французы русских ученых не пускают дальше общедоступных курсов эпизодического характера, довольно низко оплачиваемых. «Братья славяне» рассматривают приглашение русских ученых как акт благотворительности и считают, что уже достаточно сделали в этом направлении. В Англии и Америке устроиться очень трудно. И только в странах немецкого языка русским ученым, специалистам по вопросам славистики и руссологии, можно рассчитывать на успех. Конечно, я не могу ни за что поручиться. У меня есть в виду конкретные комбинации, но они еще очень гадательные, так что я об них писать не хочу. Но во всяком случае, почему бы Вам не направить свое внимание в эту сторону и не подготовить почву для своей кандидатуры на всякий случай? Пишу это Вам в порядке совета в самой общей форме, т.к. совершенно не знаю, каковы Ваши планы.

Третий вопрос, о котором я хочу Вам писать, имеет чисто местный характер, но лично меня довольно интересует. У Вашего батюшки в Москве был ассистент, некий Артемьев. После ухода Владимира Ивановича из Московского университета¹³, этот Артемьев переехал в Петербург и там стал профессором Горного Института. При большевиках он вернулся в Москву и стал директором основанной там Горной Академии¹⁴. Потом он каким-то образом выехал за границу и в настоящее время находится в Вене в качестве ... униатского священника-миссионера. Из католических источников я узнал, что он имеет задание вести униатскую пропаганду среди русских эмигрантов. Свою задачу он осуществляет как-то мало симпатично. Старается использовать распри русской колонии, путем сплетней и науськиваний восстанавливает прихожан

против настоятеля, углубляет раскол между антониевцами и евлогианами¹⁵ и т. д. По крайней мере, у меня создалось такое впечатление по рассказам людей, с ним общающихся. Я лично совсем его не знаю, раз только с ним говорил, причем он мне очень не понравился. Так как Вы, вероятно, его знаете, то я очень прошу Вас сообщить мне, что это за человек, дабы я знал, как себя с ним держать. Ведь мне как церковному старосте и председателю русского «Kirchenverein»¹⁶ рано или поздно придется с ним столкнуться. Сообщите, что Вы о нем знаете, и какого Вы о нем мнения.

Лето мы проведем во Франции у моей сестры. Пробудем там с середины июля по 15 сентября. Адрес: Chateau de Morville par Epernon (Eure et Loire). После 15 сентября – по-прежнему: Wien I, Do-rotheergasse 12 III.

Целую ручки Вашей супруге. Искренне уважающий Вас
Кн<язь> Н.С.Трубецкой

¹ Мф. 16. 18.

² Здесь и далее курсив автора.

³ Такой сборник опубликован не был.

⁴ Имеется в виду сборник статей «Россия и латинство», изданный евразийцами в Берлине в 1923 и посвященный проблеме разделения греко-русской (православной) и римско-католической церковью.

⁵ Бердяев Николай Александрович (1874–1948) – философ, религиозный мыслитель, основатель Религиозно-философской академии в Париже, сторонник интерконфессиональных объединений.

⁶ Клепинин Николай Андреевич (1899–1941) – историк, публицист. В 1920 эмигрировал в Сербию, председатель Русского национального кружка им. преподобного Серафима Саровского и Сергия Радонежского в Белграде. С 1926 жил в Париже, сотрудник ИМКА-Пресс. Соредатор «Евразийского сборника» (1929). Сотрудничал с ИНО ОГПУ. В 1937 в связи с «делом И.Рейсса» бежал из Франции в СССР. В 1939 арестован, расстрелян в Москве.

⁷ Чижевский Дмитрий Иванович (1894–1977) – литературовед, философ. С 1921 в эмиграции (Польша, Германия). В 1924–1932 преподавал в Вольном украинском университете в Праге, с 1926 участник Пражского лингвистического кружка, тесно связан с Р.Якобсоном; затем вернулся в Германию. В 1932–1945 преподавал русский язык в Галле, в 1945–1949 славянскую филологию в Марбурге. С 1949 – в США, до 1956 преподавал в Гарварде. Затем вернулся в Германию, в 1956–1964 возглавлял кафедру славистики Гейдельбергского университета.

⁸ Ильин Владимир Николаевич (1891–1974) – православный богослов, философ; в 1927–1940 профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, участник евразийского и экуменического движений. Соредатор «Евразийского сборника»(1929).

⁹ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – правовед, профессор Московского, а затем Таврического университетов и Юридического

института в Севастополе; в эмиграции (Чехословакия, Франция, Югославия) один из активнейших деятелей евразийского движения.

¹⁰ Браун Федор (Фридрих) Александрович (1862–1942) – филолог-германист, скандинавист, основоположник германской филологии в России. С 1900 ученый секретарь историко-филологического факультета, затем декан и проректор Петербургского университета. В 1920 получил от РАН заграничную командировку и в СССР не вернулся, в том же году избран Шведской АН иностранным членом, почетным доктором философии и почетным ординарным профессором Лейпцигского университета. С 1927 занимал в Лейпциге специально предоставленную ему кафедру истории Восточной Европы, где организовал русскую библиотеку и воспитал ряд учеников. В 1920-е увлекался идеями академика Н.Я.Марра, находился с ним в переписке, организовал его выступления в Лейпциге. Подробнее см.: *Жеребин А.И. У истоков русской германистики: Профессор Ф.А.Браун // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С.14-21.*

¹¹ Первой научной работой Ф.А.Брауна после окончания Петербургского университета была опубликованная в Санкт-Петербурге в 1890 на немецком языке работа «Die letzten Schicksale der Krimgoten» («Судьбы последних крымских готов»), содержащая результаты экспедиции ученого в Крым по изучению языка и быта последних потомков готов на Азовском побережье. Готскому вопросу посвящена и магистерская диссертация Брауна – «Разыскания в области гото-славянских отношений. I. Готы и их соседи до V века. Первый период: Готы на Висле» (Известия Императорской Академии наук. 1899. Т.64. Кн.19).

¹² По-видимому, Г.В.Вернадский не рассматривал всерьез предложение Трубецкого об устройстве в Германии. Во всяком случае, только в 1931 он опубликовал несколько небольших энциклопедических статей по-немецки, а в дальнейшем лишь изредка печатался на этом языке.

¹³ Т. е. знаменитого «профессорского дела» Московского университета 1911.

¹⁴ Артемьев Дмитрий Николаевич (1882–?) – кристаллограф, ученик В.И.Вернадского по Московскому университету и Е.С.Федорова по Петербургскому Горному институту. Родился в семье чиновника, в 1882 являвшегося начальником Пермского арестантского исправительного отделения. Среднее образование получил в Нижегородском дворянском институте Императора Александра II; в 1901 поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Московского университета, который окончил в 1906 с дипломом 1-й степени (см.: ЦИАМ. Ф.418. Оп.315. Д.34). После этого (а не в 1911, как пишет со слов Артемьева Трубецкой) уехал в Петербург, где стал сотрудником Горного института и учеником выдающегося кристаллографа Е.С.Федорова (1853–1919). В воспоминаниях жены Федорова отмечается, что Артемьев сменил «школу» из-за неудовлетворенности учебой у В.И.Вернадского (см.: *Федорова Л.В. Наши будни, радости и горести: Воспоминания. М.: Наука, 1992 С.189 и др. (Научное наследство. Т.20.)*). Действительно, в архиве Вернадского сохранилось всего одно письмо Д.Н.Артемьева (1906, Неаполь, см.: АРАН. Ф.518. Оп.3. Д.65), что весьма необычно для «ученика Вернадского». В 1914

Артемьев опубликовал монографию «Метод кристаллизации шаров». В 1918 – профессор физико-математического факультета Московского университета, в 1918–1921 – член коллегии Научно-технического отдела ВСНХ и Наркомпроса, сторонник ликвидации АН. Выразительную характеристику Артемьева зафиксировал В.И.Вернадский в дневнике 24 марта 1921: «Артемьев вернулся из Смоленска, не доехав до Минска, – заградительные отряды – а он, по-видимому, думал уехать за границу и вез туда «благоприобретенное». Всюду мелочная гадость. Он очень скверно себя вел – в то же время, не будучи ни коммунистом, ни социалистом – вступил в партию» (*Вернадский В.И.* Дневники: Март 1921 – август 1925 / Сост. В.П.Волков. М., 1998. С.23). Еще более неожиданное описание (приблизительно 1921–1922) Артемьева дает уехавший впоследствии в эмиграцию математик В.А.Костицын:

У Дмитрия Николаевича в кабинете были великолепные старинные кресла с бархатной фиолетовой обивкой, для него самого и для его посетителей. И вот я восседаю напротив его в таком кресле и излагаю ему свои дела. Он внимательно слушает. Я опускаю глаза на документы, поднимаю их: что за притча? Д<митрий> Н<иколаевич> сидит против меня в католической сутане и с тонзурой на голове. Еще несколько секунд: снова он в его обычном виде. Через несколько минут я снова роюсь в документах, снова поднимаю глаза, снова вижу Д<митрий> Н<иколаевич> в сутане и с тонзурой. Что за глупость? Откуда это? Он – видный коммунист, видный ученый, ректор Горной академии, член коллегии НТО ВСНХ, заведующий научным отделом Наркомпроса, чисто русский: уж больше было бы оснований видеть его в православной поповской рясе.

(«Говорить мне не с кем»: Из воспоминаний В.А.Костицына / Публ. Н.А.Сидорова // Российская научная эмиграция: Двадцать портретов. М., 2001. С.48-49).

По словам Костицына, в 1922 по командировке Наркомпроса Артемьев уехал в Чехословакию, откуда в СССР уже не вернулся. В 1923 в Берлине на русском языке издательством П.И.Ладыжникова был опубликован его 4-томный учебник по кристаллографии. К тому же году относится еще одно свидетельство Костицына. По его словам, в 1923 в Париже при встрече с Вернадским последний сообщил: «Артемьев принял католичество и стал католическим священником, сейчас он находится в Риме при библиотеке Ватикана» (Там же). С этого времени следы Артемьева теряются.

¹⁵ Имеется в виду раскол в Русской православной церкви за рубежом, связанный с переходом управляемых митрополитом Евлогием (в миру Георгиевский Василий Семенович; 1868–1946) православных приходов Западной Европы из Московского Патриархата (отмененного советской властью в 1927) под юрисдикцию Вселенского (Константинопольского) Патриарха; лишь малая часть венского прихода ушла за митрополитом Антонием, возглавлявшим Архиерейский (Карловацкий) Синод, который выступал за восстановление монархии в России.

¹⁶ Церковный приход (*нем.*). Подробнее об этом эпизоде венской жизни Н.С.Трубецкого см. в воспоминаниях его внука: *Кюннелт-Леддин В.* Несколько «осколков» из жизни Николая Сергеевича Трубецкого

(Выступление на конференции) // Н.С.Трубецкой и современная филология. М., 1993. С.283-284.

3

Suly-Spangau bei Wien, Sanatorium,
11 августа 1932

Дорогой Георгий Владимирович!

Очень жалею, что не пришлось повидать Вас в этот Ваш приезд¹. Я действительно первоначально собирался съездить в Чехию, но путешествие в Амстердам и Париж настолько меня утомило, что я благоразумно воздержался от дальнейших поездок и прямо проехал в санаторий под Веной, где и пробуду до начала сентября (ведь Вы, должно быть, слышали, что я был очень болен – впрочем, теперь я себя хорошо чувствую и, по-видимому, поправляюсь).

История с кафедрой такова². Кафедра восточноевропейской истории в Вене существует. Занимает ее Übersberger³. Но года два тому назад ходили слухи, что его переманивают в Берлин на место Höttsch'a⁴, который де совсем ушел в политическую деятельность и преподаванием в университете сам тяготится. Кажется, слухи эти исходили главным образом от самого Übersberger'a. Как бы то ни было, но ввиду этих слухов я стал обдумывать, нельзя ли в случае, если Übersberger действительно перейдет в Берлин, устроить на эту кафедру Вас. Т. к. в 1930/31 г. Übersberger должен был быть ректором, а в следующий год проректором, что связано с значительными доходами, да и с большим почетом, – то для меня ясно было, что во всяком случае раньше 1932/33 ак<адемического> года Übersberger не уйдет. А потому и написал Вам, советуя за это время напечатать несколько вещей по-немецки – на всякий случай. В то же время я стал осторожно агитировать и зондировать среди профессоров. Дело в том, что у Übersberger'a есть ассистент Hajek⁵, совершеннейшая тупица и бездарность, но хороший малый, компанейский человек и боевой националист (из богемских немцев). Габилитационный экзамен⁶ этого Hajek'a, на котором я присутствовал, был сплошным позором. Я и думал, что историки поймут, что нельзя же кафедру отдавать такому типу (а кроме него кандидатов нет). И действительно, кое-кто из историков со мной согласился. Но, к сожалению, все это – наименее влиятельные в факультетских кругах. Влиятельные же историки и представители других наук на мои разговоры реагировали настолько сдержанно, что я понял, что из этого ничего не выйдет. К сожалению, Hajek принадлежит к определенной клике националистически и реакционно настроенных приват-доцентов, которые, с одной

стороны, стоят, в теснейшей связи с гитлеровскими студенческими кругами, а с другой – с правой профессурой, а потому, играют большую роль. Если когда-нибудь его кандидатура будет поставлена, вся правая профессура (они в факультете составляют большинство) будет голосовать за него как за «своего человека». Вы понимаете, что при переводе вопроса в такую плоскость, против Вас было бы слишком легко найти аргумент. В частности, например, мне пришлось слышать от одного (правда, не историка) члена факультета, что кафедра восточноевропейской истории имеет политическое значение, т. к. ее задачей является реабилитация прежней австрийской политики в восточном вопросе, и что поэтому эта кафедра никак не может быть занята русским. Таким образом, я прекратил всякие шаги. К тому же, за последний год разговоры о переходе Übersberger³ а в Берлин что-то прекратились...

Из того факта, что Вы меня об этом спрашиваете, заключаю, что в Америке Вам пока еще не удалось найти прочного места? А не пробовали ли Вы искать в Англии? – Что касается до Германии, то там сейчас уже довольно много «чающих движения воды»⁷, так что и в случае освобождения кафедры трудно рассчитывать на успех.

Книгу⁸ Вашу получил и очень Вас за нее благодарю.

Искренне уважающий Вас

Н.С.Трубецкой

1 В июне – сентябре 1932 Георгий Вернадский впервые после пятилетнего отсутствия приехал в Европу. Он побывал во Франции, Швейцарии, Австрии, Чехословакии (здесь неоднократно встречался с П.Н.Савицким).

2 К 1932 продолжение темы о возможности занять кафедру в европейском университете стало весьма актуальным для Г.В.Вернадского, чье академическое положение в США было мало удовлетворительным; подробнее см.: «Очень горько мне...»: Письма Георгия Вернадского / Публ. М.Ю.Сорокиной // Источник. 1999. №1. С.45-56.

³ Übersberger Hans (1877–1962) – немецкий славист, один из основателей Института восточноевропейского развития в Вене и Института Восточной Европы в Бреслау; известный антисемит. С 1935 в Берлине, занимался чисткой университета от евреев и еврейских лекторов. С 1936 редактор «Jahrbuch für Geschichte Osteuropas». Подробнее о становлении и развитии славистики в Германии в первой половине XX в. см.: *Michael Burleigh Germany Turns Eastwards: A Study of Ostforschung in the Third Reich.* Cambridge University Press, 1988.

⁴ Höttsch (Хётш, Гётч) Otto (1876–1946) – германский славист, историк, основатель Общества изучения России (1913), многократно бывал в России, профессор Бременского университета. В мае 1935 отлучен от профессуры как поддерживавший польского еврея, писавшего у него диссертацию о евреях в СССР. На его место, как и предполагал Н.С.Трубецкой, пришел

Г.Уберсбергер. О нем см.: *Voigt G. Otto Hoetzsch. 1876–1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers.* Berlin: Akademie-Verlag, 1978.

⁵ Возможно, Hajek Alois (1889–?) – историк-славист, автор работ по истории Болгарии.

⁶ В немецкой университетской системе – экзамен перед защитой следующей после докторской диссертации, которая предоставляла право чтения лекций в университете.

⁷ Иоан. 5.3.

⁸ По-видимому: *Vernadsky G. The Russian Revolution, 1917–1932.* New York, 1932.

6.

«Общее любезное отечество» Роман Якобсон – Георгию Вернадскому

Вторая мировая война существенно изменила институциональную и персональную карту мировой науки, породив беспрецедентный по своим масштабам феномен «перемещенной / исчезнувшей / рассеянной науки» («Displaced / Disappeared / Dispersed Science»). Бежавшие от фашизма европейские ученые придали новый импульс старым заокеанским научным структурам или участвовали в организации новых. Так, в Нью-Йорке в феврале 1942 под патронажем New School for Social Research и при содействии французского и бельгийского правительств в изгнании был создан новый научно-учебный центр – École Libre des Hautes Études (Высшая школа научных исследований), привлечший под свои своды многих выдающихся европейских интеллектуалов³¹.

Одним из них был филолог Роман Якобсон (1886–1982), приехавший в США в июне 1941 и преподававший в школе курсы общего языкознания и славянской филологии. По-видимому, самое непосредственное участие в приглашении Якобсона сыграл ректор New School Альвин Джонсон (Alvin Johnson)³², еще летом 1940 запрашивавший Георгия Вернадского, своего рода эксперта New School по комплектованию учеными-беженцами³³, о Якобсоне³⁴.

31 См.: *Krohn C.-D. Intellectuals in Exile: Refugee Scholars and the New School for Social Research.* Amherst, 1993; *Rutkoff Peter M., Scott William B. New School: A History of the New School for Social Research.* N.-Y., L., da 1986. Среди профессоров Школы – Клод Леви-Стросс, Жак Маритен, Александр Койре и др.

32 Еще в 1933 Джонсон организовал при New School for Social Research для ученых-беженцев из Германии и Италии The University in Exile.

33 У Г.В.Вернадского спрашивали о таких кандидатах на приглашение в США, как упомянутый ниже в письмах В.А.Ледницкий, С. Штейн и др. В свою очередь сам он рекомендовал пригласить из Парижа историка римского права Всеволода Базанова, почвовед Валериана Агафонова и др. (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3.).

34 Там же.

В биографии Романа Якобсона, до сих пор вообще недостаточно документированной, много событийных лагун, и одна из них – период Второй мировой войны³⁵, центральным событием которого стала его работа в нью-йоркском семинарии по изучению «Слова о полку Игореве»³⁶. Письма Якобсона Георгию Вернадскому, находящиеся в Бахметевском архиве³⁷, позволяют существенно восполнить этот пробел.

Письма хранятся: BAR. George Vernadsky Coll. Box 3.

1

2 февраля 1942¹

Дорогой Георгий Владимирович,

спасибо за письмо и хлопоты. После нашей встречи имел случай говорить по тому же вопросу сперва с Ледницким², потом с Карповичем³. Оба взялись говорить с Елисеевым⁴ по вопросу о продвижении и реализации моего проекта разработки палеосибирских языков в связи с языками американскими. Сегодня посылаю Карповичу различные материалы для Елисеева, в частности, программу французского университета, которую Вы уже, вероятно, получили, и при этом так формулирую свои предварительные выводы: «Нет возможности установить генеалогическое родство между палеосибирскими и американскими языками, но структурная общность, обусловленная географической связью, в этом случае разительна, и если бы мы даже не знали географического положения палеосибирских языков, мы могли бы выяснить их место путем одного лишь структурного анализа, так как строй этих языков являет характерное сочетание признаков, специфичных для урало-алтайского (туранского) языкового мира с признаками, определяющими американский языковой мир: это типичная переходная полоса между обеими областями. В свою

35 См.: *Stephen Rudy*: Roman Jakobson: A Chronology // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М.: РГГУ, 1999. С.85.

36 История этого выдающегося научного предприятия подробно изложена в совместных работах Х.Барана и Е.В.Душечкиной, см.: *Баран Х., Душечкина Е.В.* Вокруг «Слова о полку Игореве»: Из переписки Р.О. Якобсона и А.В.Соловьева // *Славяноведение*. 2000. №4. С.50-78; Переписка С.И.Карцевского и Р.О.Якобсона / Вступит. ст., публ. и примеч. Х.Барана, Е.В.Душечкиной // Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. С.175-191. См. также: *Якобсон Р.О.* Изучение «Слова о полку Игореве» в Соединенных Штатах Америки // *Труды Отдела древнерусской литературы*. ^{Ирлин?} 1957. Т.14. С.102-121.

37 Письма Якобсона находятся в трех папках и охватывают период с 1942 по 1969. Последний черновик письма Г.В.Вернадского Р.Якобсону датирован 30 июня 1971. Первый обзор «бахметевских» писем Р.Якобсона Г.В.Вернадскому см.: *Козляков В.Н.* Обзор коллекции документов Г.В.Вернадского в Бахметевском архиве Библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке // *Георгий Вернадский. Русская историография*. М., 1998. С.414-415.

очередь, каждая из трех названных зон – туранская, палеосибирская, американская – распадается на ряд языковых семейств, связанных между собой лишь географически обусловленным конвергентными чертами».

Не исключаю участия Edg<erton>⁵, которого я совсем не знаю (к слову сказать, Trag<er>⁶ пришел ко мне познакомиться в 1938 г. в Генте и просил разрешения работать у меня в Брне). Но происки Cr<oss>a⁷ остаются решающими. Оказывается, он написал в свое время в отзыве обо мне для Rockefell<er> Found<ation>⁸, что никогда имени не слышал (ложь) и ни в каких славистических публикациях, например, в «Славии»⁹, не мог де найти! Не приходится говорить Вам, что у меня в «Славии» ряд работ, вошедших в учебники, и что достаточно заглянуть в именной указатель любого тома, чтобы найти на меня ряд всяческих ссылок. Но это письмо было (как мне *конфиденциально*¹⁰ сказал Ледн<ицкий>, читавший его) решающим. Я полагаю, что двери американской славистики заперты для меня мистером Cr<oss> на все замки, но, может быть, палеосибирские языки при помощи Елисеева вывезут. Никогда нигде в Европе я не думал, что самая возможность продолжения научной работы окажется для меня под вопросом.

Ваши статьи прочел с живейшим интересом: проясняются все новые главы русской праистории¹¹. Ваше отождествление Spali/Spori представляется мне весьма убедительным. Для обоснования замены l через r у Прокопия¹² лучше приводить не примеры диссимилиации плавных (типа лебро), а крайне распространенную акустическую замену одного плавного другим в иностранных словах (много примеров в работах Богородицкого об акустических заменах¹³). Догадка Бромберга¹⁴ об Осколе очень сомнительна: в частности, здесь не было никаких оснований для r>k – группа sp. существовала в славянской речи, а примеры *диссимилиации* (kapradī<papradī) сюда не относятся. Сомневаюсь я, откровенно говоря, и в прамадьярских заимствованиях из прарусского, и в прарусских заимствованиях из готского языка. Но обо всем этом при свидании. Когда снова заглянете в Нью-Йорк? Очень важны, по-моему, Ваши соображения о миграции различных племен в пределах южной России.

Еще раз благодарю за отписки и участие.

Искренне Ваш

Роман Якобсон

¹ На конверте адрес: 508 West 114 Street NYC.

² Ледницкий Вацлав Александрович (1891–1967) – филолог-славист, сын известного кадета А.Р.Ледницкого; с 1928 преподавал в Ягеллонском

университете, с 1932 профессор Брюссельского университета, затем в Лиссабоне, далее в США (Колумбийский университет и Беркли).

³ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959) – историк, ближайший друг Г.В.Вернадского; преподаватель, профессор (1946) русской истории Гарвардского университета, весьма влиятельный в академической среде.

⁴ Елисеев Сергей Григорьевич (1889–1975) – выдающийся японист, в 1934–1956 директор Гарвардского института «Яньцзин» и профессор дальневосточных языков Гарварда. Родился в семье миллионера, председателя правления товарищества «Братья Елисеевы» Г.Г.Елисеева. Первым из европейцев окончил Токийский императорский университет (1908–1912) и аспирантуру при нем. С 1916 приват-доцент Петроградского университета. В мае 1919 арестован ЧК «за отца» (взят в заложники), отпущен после ходатайств Петроградского университета и АН и в сентябре 1920 бежал с семьей в Финляндию. Вскоре перебрался в Париж: сотрудник Музея Гимэ, преподаватель Сорбонны (1921–1932) и Школы живых восточных языков (1922–1930). В 1932–1933 приглашен для чтения пробных лекций в Гарвард и остался там преподавать на многие годы. В письме Г.В.Вернадскому от

29 апреля 1942 Елисеев так описал шансы Якобсона: «Я пытался кой-что сделать для Якобсона, но антропологи Харварда сказали мне, что у них нет денег и что они ничего не могут поделать и что университет и так переполнен «беженцами». (Сколько раз мне приходилось это слышать и в Европе, и здесь). Лингвистикой же, как Вы знаете, у нас в Харварде интересуются мало (к сожалению) и в этой области Якобсона пристроить немислимо» (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 30. Folder Eliseev-2).

⁵ Edgerton Frank (1885–1963) – американский индолог, зав. кафедрой санскрита и сравнительной филологии Йельского университета.

⁶ Trager George Leonard (1906–1993) – американский лингвист, автор университетского курса «Введения в русский язык», профессор Йельского университета.

⁷ Cross Samuel Hazzard (1891–1946) – влиятельный американский славист, автор монографии о Пушкине (1937), англо-русского словаря и др. Профессор Гарварда. Редактор ряда журналов, в том числе «Slavonic and East European Review», в редакционный комитет которого входили М.М.Карпович и Г.В.Вернадский.

⁸ Т. е. для получения гранта Фонда Рокфеллера. О деятельности Фонда и его процедурах см.: *Raymond B. Fosdick The Story of the Rockefeller Foundation*. New York: Harper, 1952; а также: *Кожевников А.В. Филантропия Рокфеллера и советская наука // Вопросы истории естествознания и техники*. 1993. №2. С.80-111; *Susan Gross Solomon, Krementcov N. Giving and Taking Across Borders: The Rockefeller Foundation and Russia, 1919–1928 // Minerva* 39: 265-298, 2001.

⁹ «Slavia» – журнал, организованный в Праге в 1922 видным славистом М.Мурко.

¹⁰ Здесь и далее курсив автора.

¹¹ Якобсон имеет в виду прежде всего довоенные статьи Г.В.Вернадского, опубликованные в журнале «Byzantion», например: *The Spali of Jordanis and the Spori of Procopius // Byzantion*. T.13 (1938).1 P.263-266;

Lebedia: Studies on the Magyar Background of Kievan Russia // Ibid. T.14 (1939). P.179-203; Byzantium and Southern Russia: Two Notes // Ibid. T.15 (1940). P.67-86 и др.

¹² Прокопий Кесарийский (между 490 и 507 – после 562 (?) – византийский историк.

¹³ Богородицкий Василий Алексеевич (1857–1941) – филолог, языковед. Профессор Казанского университета. Член-корреспондент АН (1915). В монографии «Опыт физиологии общерусского произношения в связи с экспериментально-фонетическими данными» (Казань, 1909) выдвинул идею о необходимости изучения акустических характеристик звуков речи в дополнение к изучению их физиологии.

¹⁴ Бромберг Яков Абрамович (1898–1948) – историк Причерноморья. Уроженец Одессы, в 1918 поступил на математический факультет Таврического университета, но уже в 1919 вернулся в Бессарабию, в Черновицкий университет, потом переехал в Прагу, где в 1920 поступил в Политехникум (окончил в 1926). В 1928 женился на Фриде Семеновне Кижнер-Кауфман, в июле 1929 они переехали в США (Нью-Йорк). Работал инженером-механиком в различных фирмах, затем инженер на городской службе. Участник семинара по «Слову о полке Игореве». См. также: *Бромберг Я.А. Евреи и Евразия. М.: Аграф, 2002.*

2

<May 24, 1944>¹

Дорогой Георгий Владимирович,

в субботу в 3 часа в Ecole в нашем семинарии² доклад Marg. Schlauch³, профессора N^ew Y^ork Univ^ersity по скандинавским языкам, о скандинавских элементах в «Слове о полку Игореве»⁴. В 4 часа совещание сотрудников сборника о «Слове»⁵ (деньги раздобыты!), и, если останется время, чтение «Слова»: начиная с разговора Игоря с Донцом. В 5 часов Ваша лекция. Потом я свободная с разговора Игоря с Донцом. В 5 часов Ваша лекция. Потосской культуры «Русская история и былины».

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Якобсон

¹ Дата проставлена на письме Г.В.Вернадским; возможно, это дата получения письма.

² Осенью 1941 Якобсон познакомился в Нью-Йорке с известным бельгийским византологом Анри Грегуаром (см. примеч. 3 к письму 3 в наст. разделе), сумевшим восстановить здесь свой институт – Institut de Philologie et d’Histoire Orientale et Slave при École Libre des Hautes Études, и принял активное участие в его научной работе. При институте он создает семинарий, который в 1943–1946 интенсивно занимается разносторонним изучением «Слова о полку Игореве». Г.В.Вернадский был членом этого семинария.

³ Schlauch Margaret (1898–1986) – филолог, специалист по английской и исландской средневековой литературе, профессор университета Нью-Йорка; после Второй мировой войны профессор Варшавского университета, член-корреспондент Польской Академии наук (1961).

⁴ Во всех письмах названия литературных памятников пишутся Якобсоном без кавычек, однако для удобства чтения мы вводим их.

⁵ Это и последующие письма Якобсона связаны с подготовкой итоговых работ семинария – двух томов коллективных монографий: *La Geste du Prince Igor, epopée russe du XIIe siècle / Texte établi, traduit et commenté sous la direction de Henri Gregoire, de Roman Jakobson et de Marc Szeftel. Assistés de J.A.Joffe // Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, T.8 (1945–1947). New York, 1948 (École Libre des Hautes Études, a New York. Université Libre de Bruxelles); Russian Epic Studies / Ed. by R.Jakobson and E.J.Simmons. Philadelphia, 1949.* В первый том, посвященный выдающемуся историку-антиквисту Михаилу Ростовцеву, вошли шесть работ Якобсона (реконструкция текста «Слова», его критическое издание и обсуждение вопроса о подлинности памятника), четыре перевода «Слова» (на английский – С.Кросс, французский – А.Грегуар, польский – Ю.Тувим и современный русский – Р.Якобсон), а также большой исторический комментарий М.Шефтеля и статья Г.В.Вернадского.

3

<September 8, 1944>¹

Дорогой Георгий Владимирович,

по обыкновению, я снова виноват перед Вами – не писал, грешен. Здоровье мое, наконец, приходит в порядок – заканчиваю каникулы по приговору врача на занятом острове Nantuchet Mass., 30 миль от материка.

Верьте мне, политический инцидент с «Annuaire'ом»² меня немало огорчил. Типично грегуаровская³ выходка – самовольное устранение прилагательного в заглавной формуле *barbarie allemande*⁴ и прибавка не только бестактной, но и безвкусной статистики некрологов – все это было сделано буквально в последний момент⁵. Но надеюсь, все это заглохнет и потонет в Лете.

Что касается «Игоря», то сборник будет всецело в моем ведении, деньги Прегелем⁶ ассигнованы на мое имя, и Прегель устроил так, что сотни две-три сборника пойдут в научные учреждения СССР. Я все лето рьяно работал над «Словом», сделал все, что мог, для очистки и выяснения текста и, кажется, кое-что удалось. Вот оглавление сборника, который, надеюсь, будет сдан в набор в т<екущем> м<есяце> и выйдет в свет еще в т<екущем> г<оду>: моя вступительная заметка о принципах издания и перевода «Слова»; научное издание текста с подстрочными вариантами; опыт реконструкции текста

XII века; франц<узский> перевод Грегуара с примечаниями Шефтеля⁷ (Realia); английский перевод Кросса; мой перевод на современный русский язык; греческий перевод Грегуара; моя заметка с обоснованием конъектур; статьи – Ваша, моя, Грегуара, Федотова⁸, Шефтеля, Шлаух, Менгеса⁹, Ярмолинского¹⁰ и, м<ожет> б<ыть>, Маннинга¹¹; два указателя; карта географических пунктов, прямо или косвенно упоминаемых в «Слове», и похода Игоря, заказанная Гонигману¹²; карта Идриси с Троей (!) в Донской области; 4 иллюстрации – древнерусские миниатюры с изображением гуслира, возлагающего 10 перстов на гусли, русского войска, половецких веж и похоронной процессии, *несущей* покойника на саях, ибо «дебрьски сани» это просто дровни! Что Вы думаете по поводу приведенного перечня? Большое спасибо за Ваш преинтересный оттиск из «Vyz<antion>»¹³.

По каким дням Вы будете читать в Columbia? Мы с Грегуаром очень надеемся на Ваше активное участие в наших семинариях, которые будут чередоваться – одну неделю степняки, другую Великая Моравия и окрестности. В октябре эти семинарии будут по субботам (3–4 ч<аса>), но если Вам этот день неудобен, то в дальнейшем возможна перемена. В субботу 7-ого октября (3–4)[?] семинария еще не будет, а вместо этого объявлено публичное чтение трех из вышеупомянутых переводов «Слова» – французского, русского и греческого. Я был бы чрезвычайно рад, если бы Вы с Ниной Владимировной¹⁴ могли приехать. Обо многом хотелось бы с Вами побеседовать («Слово», чеш<ский> сборник, события и т. д.). Числа 13-ого вернусь в N<ew> Y<ork>. Когда Вы возвращаетесь в Yale? Bloomfield¹⁵ (чудной тип) очень зовет меня туда на денек-другой побеседовать (!), и если Вы будете там в двадцатых числах т<екущего> м<есяца>, постараюсь выбраться на день.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Якобсон

¹ Дата проставлена на письме Г.В.Вернадским; возможно, это дата получения письма.

² Реплика Якобсона связана с изданным в 1944 в Нью-Йорке 7-м томом «Ежегодника» (Annuaire) возглавлявшегося А.Грегуаром (о нем см. след. примеч.) Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave. В посвящении тома, звучавшем как «Dédié a la memoire des orientalistes et des slavists victimes de l'invasion et de la persecution des barbares» («посвящается памяти ориенталистов и славистов, ставших жертвами вторжения и преследования варваров») (*фр.*), было опущено указание на этническую принадлежность «варваров», таким образом, том в равной мере регистрировал имена жертв всех тоталитарных режимов, тем самым уравнивая нацизм и сталинизм. Формула посвящения соответствовала и содержанию обширного мартиролога ученых, в который Якобсон написал несколько

некрологических заметок (в частности, о выдающихся русских востоковедах, академиков В.М.Алексееве и Ф.И.Щербатском, а также о Н.С.Трубецком, А.М.Селищеве и др.), а Г.В.Вернадский – статью о П.Н.Милокове. Повидимому, Г.В.Вернадский не был осведомлен о возможном отождествлении нацистской Германии и СССР и, уже после выхода ежегодника обнаружив в мартирологе 4 некролога ученых, погибших, по словам составителей, в результате «советской оккупации» Западной Украины, резко протестовал против такого подхода.

³ Грегуар Анри (1881–1964) – бельгийский византолог. В 1940 бежал из Брюсселя, оказался в Тулузе (Франция); затем в США – директор Institut de Philologie et d'Histoire Orientale et Slave при École Libre des Hautes Études в Нью-Йорке. Редактор журнала «Byzantion»; генеральный секретарь 7-го Международного конгресса византистов (Брюссель, 1948). Обширную переписку А.Грегуара с Г.В.Вернадским (с 1924) см.: BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3.

⁴ Немецкое варварство, жестокость (*фр.*).

⁵ Ср. характеристику А.Грегуара, данную С.Кроссом в письме Г.Вернадскому: «Gregoire is a difficult to deal with in any case, and apart from his Belgian bourgeois gift for intrigue he feels called upon to play a political role. I do not think he particularly enjoys my velvet-glove supervision of Byzantion, but someone has to check the finances and keep Gregoire's personal rancors out of it» (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 2).

⁶ Прегель Борис Юльевич (1893–1976) – инженер, предприниматель, общественный деятель. Глава Французского университета и президент Академии наук в Нью-Йорке, член совета директоров Литературного фонда. Брат поэтессы и редактора журнала «Новоселье» С.Ю.Прегель, в котором Г.В.Вернадский опубликовал в 1943 (№3) статью «Слово о полку Игореве» в историческом освещении».

⁷ Шефтель Марк Юрьевич (1902–1985) – историк-славист, профессор Корнельского и Вашингтонского университетов.

⁸ Федотов Георгий Петрович (1886–1951) – религиозный мыслитель, историк, публицист; в сентябре 1925 эмигрировал через Берлин в Париж, где в 1926–1939 преподавал в Богословском институте. С сентября 1941 жил в США (Нью-Хэйвен), в 1943–1951 профессор истории Свято-Владимирской духовной семинарии (Нью-Йорк).

⁹ Менгес Карл Хайнрих (Menges Karl Heinrich; 1908–1999) – выдающийся турколог, родился и преподавал в Германии. В 1929 приезжал в СССР, знакомился с состоянием старых русских церквей. С 1940 в США, профессор Колумбийского университета; затем в Вене. В 1951 опубликовал монографию «The Oriental Elements in the Vocabulary of the Oldest Russian Epics, The Igor' Tale» (Supplement to Word. V.7), русский перевод которой под названием «Восточные элементы в «Слове о полку Игореве»» издан в СССР в 1979.

¹⁰ Ярмолинский Абрам (Yarmolinsky Avrahm; 1890–1975) – американский филолог-славист, заведующий Славянским отделом Нью-Йоркской Публичной библиотеки (1918–1955).

¹¹ Маннинг (Manning Clarence Augustus, 1893–?) – американский филолог-славист. Профессор Колумбийского университета (США).

¹² Владелец известной фирмы.

¹³ По-видимому: *Vernadsky G. Sur l'origine des Alains // Byzantion. T.16 (1943). P.81-86.*

¹⁴ Жена Г.В.Вернадского.

¹⁵ Bloomfield Leonard (1887–1949) – американский лингвист, автор ряда монографий; редактор пособия «Spoken Russian, basic course by I.M.Lesnin and Luba Petrova. Published for the United States Army Forces Institute by the Linguistic Society of America» (Madison, Wis., 1945). Публикацию переписки Якобсона и Блумфилда см.: *Halle M. The Bloomfield – Jakobson Correspondence, 1944–1946 // Language (Baltimore). 1988. Vol.64, №4. P.737-754.*

4

19 февраля 1946

Дорогой Георгий Владимирович,

от души Вас обоих поздравляю¹! Рад, что будем по соседству. Надо будет наладить более систематическое сотрудничество. Большая новость: приехал из Парижа Шаховской², переписывавшийся с Прагой и узнавший оттуда, что Петр Николаевич <Савицкий>³ освобожден и состоит экономическим экспертом при советском полпредстве в Праге! По словам Федотова, получено письмо от Алексеева⁴ о том, что он после тяжелого периода восстановлен в правах профессора Белградского университета. Жена привезет Вам Вашу рукопись с моими замечаниями.

До скоро свидания. Преданный Вам

Р.Якобсон

¹ Поздравление связано с получением Г.В.Вернадским звания полного профессора (full professor) Йельского университета. В это время ему было уже 63 года.

² Иоанн, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский (в миру Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902–1989) – церковный и общественный деятель, духовный писатель, поэт. Участник Белого движения. С 1921 во Франции. С июля 1926 в Греции, принял монашеский постриг на Афоне. В 1932–1945 настоятель Свято-Владимирской церкви в Берлине. Летом 1945 выслан во Францию. С января 1946 в США.

³ П.Н.Савицкий 21 мая 1945, после освобождения Праги, был арестован СМЕРШ; обвинялся в участии в «контрреволюционном движении евразийцев с целью свержения советской власти и уничтожения коммунистической партии». 20 октября 1945 ОСО при НКВД СССР осужден на 10 лет ИТЛ. Не освобожден, как сообщается в письме Якобсона, а, напротив, отправлен отбывать срок в поселок Явас (Мордовия). Освобожден 7 апреля 1955 по отбытии срока. В 1956 реабилитирован,

вернулся в Прагу. Вновь арестован в 1961 за сборник стихов «Посев» (опубликован под псевдонимом «Востоков»), в котором нашла отражение лагерная тема. В сентябре 1961 приговорен к 2,5 годам заключения. После вмешательства зарубежных деятелей культуры освобожден по амнистии в мае 1962. Умер в Праге.

⁴ Алексеев Николай Николаевич (1879–1964) – правовед, профессор Московского, а затем Таврического университетов и Юридического института в Севастополе; в эмиграции (Чехословакия, Франция, Югославия) один из активнейших деятелей евразийского движения.

5

12 июля <1946>¹

Дорогой Георгий Владимирович,
завтра едем в Indiana University и вернемся около 1-ого августа. Пришлите мне к тому времени рукопись, с удовольствием прочту и верну с замечаниями. Нет ли у Вас последнего номера «Revue des Études Slaves», где, по слухам, Mazon «доказывает», что автором «Слова» был Бантыш-Каменский²? В Нью-Йорке номер не получен, а мне он нужен, потому что мой «Anti-Mazon» стремительно близится к концу.

С сердечным приветом Вам обоим от нас обоих преданный

Р.Якобсон

¹ Почтовая открытка; датируется по штемпелю.

² Имеется в виду статья известного французского филолога-слависта, профессора Коллеж де Франс Андре Мазона (1881–1967): *Mazon A. L'auteur probable du Poème d'Igor // Comptes rendus des sciences de l'année 1944. 2-me trimestre (Avril–Juin). P., 1944. P.213-220 (Academie des inscriptions et belles-lettres)*. Вероятно, Якобсон спутал ее выходные данные с другой статьей Мазона: *Le Slovo d'Igor: le sujet et le cadre, le modele principal // Revue des Études Slaves. 1938. T.18. Fasc. 3-4. P.163-213; 1939. T.9. Fasc. 1-2. P.54-86*. Как известно, еще в 1925 французский славист высказал сомнения в традиционной датировке «Слова» как памятника XII века, а во второй половине 1930-х опубликовал серию статей, обосновывавших гипотезу о вторичном, зависимом характере «Слова» по отношению к языку и стилю более поздней (конец XIV в.) «Задонщины». В 1940 Мазон опубликовал эти статьи отдельной книгой (*Mazon A. Le Slovo d'Igor. P., da 1940*) и с этого момента вопрос о подлинности, авторстве и датировке «Слова» приобрел новую остроту в масштабах всей мировой славистики. Якобсон был категорическим противником идей Мазона, в том числе и попытки приписать авторство «Слова» Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому (1737–1814) – русскому историку, палеографу и архивисту, управляющему Архивом Коллегии иностранных дел, который в 1799 принимал деятельное участие в подготовке к изданию А.И.Мусиным-Пушкиным рукописи «Слова». Несколько позднее, в письме Г.В.Вернадскому от 23 февраля 1948,

Яacobсон так откликнулся на эту гипотезу Мазона: «Unfortunately, I overlooked Mazon's paper in the Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions, 1944, about Bantys-Kamenskij as the presume author of the Slovo. I think it is the most illiterate and scandalous academic article that I have ever read in my life. His basic argument is that about Bantys kept suspiciously silent at the discussion of the Slovo. As a matter of fact, he was dead at that time». ^{Перевод!} по-моему не надо! Выше не переводили и здесь лучше оставить. яacobинцы все читают по-англ! Подробнее о полемике вокруг подлинности, авторства и датировки «Слова» см. статью Н.Л.Дмитриевой: Андрэ Мазон // Энциклопедия «Слова о полку Игореве» Т.3. СПб., 1995. С.195-198.

6

30 сентября 1946¹

Дорогой Георгий Владимирович,

отчего не присылаете обещанную рукопись? «Слово» подвигается и надеюсь: «скоро будет». За лето я написал подробнейший разнос Мазона, причем (в частности, благодаря новой книжке Лихачева²) удалось доказать правоту гипотезы Шахматова³ о существовании не дошедшего до нас «Слова о Мамае», навеянного «Словом о полку Игореве» и отразившегося как в «Задонщине», так и в «Сказании о Мамаевом побоище», и даже в летописном рассказе о Кулик<овом> поле. Кроме того, написал с Шефтелем опыт реконструкции устного эпоса конца XI века о Всеславе Полоцком, князе-оборотне, путем сравнения летописного рассказа «Слова о полку Игореве» и былины о Волхе⁴. Думаю, останетесь довольны. Многие небезинтересное не только для литературы, но и для истории XI века при этом выясняется. Наконец, забрел в саги и оказалось, что для русской дохристианской эпохи здесь отложилось немало показаний. В частности, в свете Ваших открытий о венграх в Киеве⁵ и т. д. получает объяснение название Киева в саге: Hunaland. Гунны (хынова) – общераспространенное наименование венгров в раннем средневековьи. И тогда рассказ саги о витязе Odde Helyi (т. е. Олеге) оказывается полностью историчным, и вообще саги о Руси конца IX – начала X века становятся ценным историческим источником. Все это, конечно, еще требует тщательной, осторожной разработки. В Columbia у меня уйма работы, немало учеников. Читаю, между прочим, по-русски (!) курс о старорусской эпической традиции (былины и т. д.).

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш Р.Яacobсон

¹ Письмо на бланке: Columbia University in the City of New York, Department of East European Languages.

² См.: *Лихачев Д.С.* Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI–XVIII в. Л., 1945.

³ Шахматов Алексей Александрович (1864–1920) – выдающийся русский филолог, языковед и историк древнерусской культуры; академик (1899).

⁴ См.: *The Vseslav Epos // Russian Epic Studies / Ed. by R.Jakobson and E.J.Simmons.* Philadelphia, 1949.

⁵ См.: *Vernadsky G.* Lebedia: Studies on the Magyar Background of Kievan Russia // *Byzantion.* T.14 (1939). S.179-203.

7

1 июня 1947 г.

Дорогой Георгий Владимирович,
пошляю Вам корректуру Вашей статьи, пожалуйста, верните мне. Часть Ваших библиографических примечаний опущена, полные заглавия приведены в конце сборника. Хорошо, что Вы нашли источник ссылки на «Западемии».

Когда я заявил Колумбии, что перехожу в Harvard¹, поднялся такой вопль и гвалт, что пришлось, по крайней мере на предстоящий год (конечно, на совсем новых условиях), остаться здесь, но о дальнейшем я готов «всерьез и надолго» договориться с Harvard'ом, если там не обиделись на мой отказ перебираться немедленно. Как бы то ни было, осень проведем с Вами вместе в N<ew> Y<ork>.

С пожеланием отрядных каникул Вам обоим от нас обоих

Ваш преданный

Роман Якобсон

¹ Приглашение Гарвардского университета Якобсон принял в 1949.

8

29 июля 1947¹

Дорогой Георгий Владимирович,
очень меня опечалило Ваше письмо. Я телеграфировал Савицкой² с оплаченным ответом, предпочитает ли она регулярные посылки или денежные переводы. Это потому, что переводы – грабилонка: официальный курс и вычеты, так что для адресата мало что остается, тогда как, например, пакет папирос, полученный ею от нас в мае, был для нее, по ее отзыву, по продаже целым капиталом. Во всяком случае, я непременно буду ежемесячно помогать ей и как только получу от нее ответ, напишу Вам немедленно, каким путем. Последние письма из ЧСР грустны до крайности и заставляют все больше сечь на наше общее любезное отечество.

Я по уши ушел в печатанье нашего «Слова», вижу, что работы сделано немало, и радуюсь, что к осени том, наконец, выйдет³. Радуюсь нашим с Вами обеим встречам в Нью-Йорке, а насчет дальнейшего будущего надеюсь принять окончательное решение к началу учебного года. На новую квартиру в Колумбийском доме, возле университета, переедем к концу августа, а осядем в середине сентября. Не было, к сожалению, никакой физической возможности удержать для Вас на осень нашу старую квартиру; жена сейчас едет в Нью-Йорк и сделает последнюю попытку, но не верится в успех.

Хотел бы заглянуть к Терентьевым⁴ да «Игорь» не пускает – «Игорь» и университетские дела (особенно хлопотня с приездом новоприглашенных из Европы⁵) то и дело зовут в город.

С сердечным приветом обоим от обоих.

Ваш Р.Якобсон

P.S. Простите за кляксы: это <неугомонный?> вечер.

Мой адрес до 10 сентября: c/i O.Laga, Hunter <College>, NY; потом Columbia University.

¹ На бланке: Columbia University in the City of New York, Department of Slavic Languages I

² Жена П.Н.Савицкого.

³ Сборник «La Geste du Prince Igor» вышел в марте 1948, и Якобсон уделил большое внимание его распространению, особенно среди французов, а также рецензиям. 17 марта 1948 он писал Г.Вернадскому: «We must organize the publicity well. First in order to meet Mazon's claue and secondly to push the sale of the book and to cover this way our big debt to the printer» (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3). И на протяжении весны–лета 1948 в США и Англии появилось значительное количество рецензий, приветствовавших новое издание и позицию Якобсона в вопросе о подлинности «Слова». Однако неожиданно в традиционно сложные личные и научные отношения Якобсона (и других «пражан») с А.Мазоном и близкими ему французскими славистами, восходящие еще к 1920-м, вмешался «фактор⁷ Грегуара», который опубликовал большую рецензию на сборник Якобсона (см.: *Gregoire H. La Geste du Prince Igor. Un faux ... du XIIIe siècle // Le Flambeau: Revue belge des questions politiques et litteraires. 1948. T.31, №1. P.93-103*). В этой статье Грегуар, наряду с изложением содержания тома и согласием в подлинности «Слова», в то же время отдавал должное и предположениям А.Мазона как «стимулирующей ереси», заставляющей заново пересмотреть старые позиции и более убедительно их обосновать. Статья вызвала серьезное недовольство в кругу ученых, близких Якобсону. Сохранился черновик весьма эмоционального письма Г.В.Вернадского А.Грегуару, в котором историк пенял Грегуару, что, исходя из его рецензии, книга Мазона оказывается лучше труда Якобсона. Вспоминая о семинаре по «Слову» при *École Libre*, Вернадский писал: «Мы работали все вместе; в этой работе вы принимали самое близкое участие; Якобсон сделал львиную долю работы. Теперь Вы отходите в сторону и из Вашего прекрасного далека

полусоглашаетесь с Якобсоном, но вместе с тем от него отворачиваетесь и под конец явно бросаетесь в объятия Мазону». Между тем, Мазон, как заявлял Вернадский, это «богослов-схоластик», а Якобсон – «пророк». В итоге Вернадский обвинил Грегуара в отсутствии «товарищеской лояльности» по отношению к Якобсону и тем самым всему семинару (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 2). Интересно, что письмо Вернадского не было отправлено адресату; возможно, это произошло по просьбе Якобсона, который после выхода «Слова» хотя и порвал отношения с А.Грегуаром, однако довольно скоро, в начале 1949, возобновил их.

⁴ Семья родного брата известного авангардиста Игоря Терентьева – Владимира Герасимовича Терентьева (1894–1968), который после службы в Белой армии (контрразведка?) эмигрировал в Константинополь, а затем поселился в США.

⁵ См., например, письмо Р.Якобсона Г.Вернадскому от 22 ноября 1948, в котором содержатся жалобы на тяжелое положение в Колумбии и антирусское настроение в университете, а также трудности с приглашением в США Д.И.Чижевского (BAR. G.Vernadsky Coll. Box 3).